

Коллектив авторов
Святой равноапостольный князь Владимир
и Крещение Руси. Сборник статей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8366009

*Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси (Сборник статей): Издательский
Совет Русской Православной Церкви; Москва; 2008
ISBN 978-5-94625-244-7*

Аннотация

Статьи церковных иерархов, историков, богословов и философов, посвященных осмыслению великого события Крещения Руси, положившего начало историческому бытию Русской Православной Церкви. В сборник включены летописные и иные древние свидетельства, фрагменты из трудов историков XIX–XX веков, церковные проповеди о святом Владимире, публицистические статьи отечественных и зарубежных писателей. Авторы представленных в книге работ жили в разное время и придерживались различных концепций по вопросу об исторических обстоятельствах Крещения Руси – его времени, месте и др., но все они едиными устами свидетельствуют о том эпохальном государственно-и культурообразующем значении, которое это событие имело в истории нашей страны, да и во всей мировой истории в целом.

Сборник издан к 1020-й годовщине Крещения Руси – празднику, объединяющему братские славянские народы, окормляемые Русской Православной Церковью.

Содержание

От издательства	5
Слова патриарха московского и всея Руси Алексия II	6
Из Слова при освящении колокола единения славянских народов (3 мая 2000 года) (Алексий II. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. Т. III. Ч. II. М.: ИС РПЦ, 2005. С. 137–138)	6
Участникам Съезда славянских народов Беларуси, России, Украины (1 июня 2001 года) (Алексий II. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. Т. III. Ч. II. М.: ИС РПЦ, 2005. С. 140–141)	8
Из Слова у Монумента дружбы трех славянских государств: России, Белоруссии и Украины (пос. Веселовка, 27 июня 2001 года) (Алексий II. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. Т. III. Ч. I. М.: ИС РПЦ, 2004. С. 151–152)	9
Обращение к участникам международной конференции «Роль Православной Церкви в создании и развитии Российского государства» (10 декабря 2001 года) (Алексий II. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. Т. III. Ч. II. М.: ИС РПЦ, 2005. С. 213–214)	10
Свидетельства прошлого	12
Святитель Иларион Киевский. Похвала великому князю нашему Владимиру (Из Слова о Законе и Благодати) (ЖМП, 1988, № 2. С. 36–38)	12
Мних Иаков. Память и похвала князю русскому Владимиру (Богословские труды. 1989. Сб. 29. С. 45–51)	16
[Молитва князя Владимира]	20
Из «Повести временных лет» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб.: Наука, 2004. С. 62–315)	21
Исторические исследования	31
Митрополит Макарий (Булгаков). Первоначальные пределы Русской Церкви и ее первая иерархия (История Русской Церкви. Кн. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 17–33)	31
Н. И. Костомаров. Князь Владимир Святой (Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Наука, 1991. С. 5–8)	43
С. Ф. Платонов. Киевская Русь (Полный курс лекций по русской истории. Ч. I. М., 2005. С. 73–94)	47
Образование киевского княжества	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси. Сборник статей

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

© Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008

От издательства

Крещение Руси в 988 году, положившее начало историческому бытию Русской Православной Церкви, – величайшее событие не только в истории нашей Церкви, но и в истории трех ныне независимых государств – России, Белоруссии и Украины. Принятие христианства ввело Древнюю Русь в семью христианских народов, породило великую восточно-христианскую славянскую культуру и цивилизацию, стало мощным толчком к культурному, экономическому, государственному созиданию.

Сборник состоит из пяти разделов. Он открывается материалами из выступлений Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, освещающих значение Крещения Руси как объединяющего начала в жизни России, Белоруссии и Украины. Во втором разделе приводятся свидетельства из общего прошлого наших народов: слова митрополита Киевского Илариона, мниха Иакова, а также отрывки из «Повести временных лет». Третий раздел – это исторические исследования о Крещении Руси святым равноапостольным князем Владимиром; здесь помещены соответствующие фрагменты из трудов церковных историков XIX–XX веков – митрополита Макария (Булгакова), протоиерея Георгия Флоровского, проф. А. В. Карташева, а также историков светских – Н. И. Костомарова и С. Ф. Платонова; сюда же включены работы более современных нам авторов – митрополита Минского и Слуцкого Филарета и протоиерея Льва Лебедева. Четвертый раздел включает в себя церковные проповеди о святом Владимире, принадлежащие как иерархам Русской Зарубежной Церкви – святителям Николаю (Велимировичу) и Иоанну (Максимовичу), митрополиту Антонию (Храповицкому), архиепископу Аверкию (Таушеву), так и отечественным проповедникам – митрополиту Ташкентскому и Среднеазиатскому Владимиру и недавно почившему архимандриту Иоанну (Крестьянкину). Заключительный раздел книги – «Церковная публицистика» – содержит статьи, написанные известными деятелями русского зарубежья (А. В. Карташев, Г. П. Федотов), а также статьи, опубликованные на страницах «Журнала Московской Патриархии» в разные годы (1944–1988 гг.).

Авторы представленных в сборнике работ жили в разное время и придерживались различных концепций по вопросу об исторических обстоятельствах Крещения Руси – его времени, месте и др. Но все они едиными устами свидетельствуют о том великом значении, которое это событие имело в истории нашей страны, да и во всей мировой истории в целом.

Сборник издан к 1020-й годовщине Крещения Руси – празднику, объединяющему братские славянские народы, окормляемые Русской Православной Церковью.

Слова патриарха московского и всея Руси Алексия II

Из Слова при освящении колокола единения славянских народов (3 мая 2000 года) (Алексий II. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. Т. III. Ч. II. М.: ИС РПЦ, 2005. С. 137–138)

Сегодня мы участвуем в историческом событии – освящении и утверждении колокола, символизирующего единство трех славянских народов. Этот колокол, созданный тщанием властей и жителей Белгородской области, не случайно установлен именно здесь, на Прохоровском поле, которое является одним из трех великих полей ратной славы Руси.

Сыны русского, украинского, белорусского народов героически сражались здесь против грозного неприятеля, защищая единую Родину. Многие из них положили жизнь свою ради мирного и свободного будущего Отчизны. Никто не смог бы, даже если б захотел, разделить могилы павших. В битве, в самопожертвовании, в победе они были едины. Едина их слава. Едина наша память о павших.

Величие подвига, совершенного на Прохоровском поле более полувека назад, требует от нас свершений, хотя бы отчасти достойных тех жертв, что понесли наши народы во время Великой Отечественной войны. И лучшей данью героям станет крепкое хранение единства украинцев, россиян и белорусов. Да, сегодня мы живем в независимых государствах. Но это не может и не должно мешать нам быть одной духовной общностью – Святой Русью, вышедшей из Киевской купели.

Ведь едины наша вера, история и культура. На сем колоколе изображены Живоначальная Троица, Которая есть всесовершенное Божественное единство, и лики подвижников благочестия, почитаемых в каждом из наших народов, – святого благоверного князя Владимира, преподобного Сергия Радонежского и преподобной Евфросинии Полоцкой.

Глубоко убежден: сегодня воля большинства граждан Белоруссии, Украины и России направлена на сохранение векового братства. Господь да укрепляет в нас это чувство, которое служит к общей пользе. Будем вместе трудиться ради духовного возрождения наших народов, помня обетование Священного Писания: *надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся* (Ис. 40, 31).

Пять лет назад мы так же собирались на Прохоровском поле, чтобы освятить храм святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Сейчас в нем постоянно возносятся молитвы о упокоении павших. А теперь здесь утверждается символ единства трех славянских народов, выражающий не только уважение к нашему славному прошлому, но и надежду на общее будущее. Я сердечно благодарю всех, чьими трудами благоустроится это святое место, особенно губернатора Белгородской области Евгения Степановича, председателя Попечительского совета «Прохоровское поле» Николая Ивановича Рыжкова и Высокопреосвященного архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна. Благодарность моя – и всем трудящимся здесь, всем вносящим лепты на обустройство Прохоровского поля и расположенных на нем памятников.

Пусть колокол, утвержденный нами сегодня, призывает народы к любви и согласию, благовествует мир и правду, дабы мы, чада трех братских народов, «едиными усты и единым сердцем» славили господина и Спасителя нашего. С праздником, дорогие мои! С торжеством освящения колокола единения славянских народов поздравляю всех вас!

**Участникам Съезда славянских народов
Беларуси, России, Украины (1 июня 2001 года)
(Алексий II. Церковь и духовное возрождение
России. Слова, речи, послания, обращения.
Т. III. Ч. II. М.: ИС РПЦ, 2005. С. 140–141)**

Дорогие участники съезда!

Отрадно, что в этом зале собраны посланцы народов, крещенных в единой Киевской купели более тысячи лет назад и доныне чувствующих свою непреложную духовную общность.

У нас – единая история. Много веков мы вместе строили Отечество, сражались с общими неприятелями, созидали неповторимую культуру, основанную на отеческой вере – Святом Православии. Нас неоднократно пытались разлучить и даже противопоставить друг другу, посеяв в души людей семена узконационального эгоизма. Но Бог словами древней Библии призывает каждого из нас: *от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя* (Ис. 58, 7–8).

Русская Православная Церковь сохранила духовное единство вопреки всем ветрам политических нестроений, всем попыткам расколоть ее чад по национальному признаку. Сегодня она всемерно поддерживает любые усилия, направленные на воссоздание и упорядочение общности трех великих православных славянских народов – русского, украинского и белорусского. Мы приветствовали создание Союза Беларуси и России. Нас радует, что и на Украине, народ которой с особой настойчивостью пытались отторгнуть от славянского братства, происходит нравственное отрезвление и слышится все больше голосов, призывающих крепить связи с Россией и Беларусью.

Нужно осознать, что мы не можем жить друг без друга. Не можем в силу естественных, веками сложившихся взаимоотношений в области хозяйства, политики, культуры, науки, торговли. Но главная причина, на мой взгляд, даже не в этом. Мы составляем единую духовную общность, единую Церковь, пределы которой простираются не только через государственные рубежи, но и через границу, разделяющую землю и Небо, где пребывает креститель наших народов – святой равноапостольный князь Владимир.

С этими мыслями сердечно приветствую участников съезда и выражаю надежду, что он на деле поможет укреплению единства трех народов, к которому, верю, направлена их воля. Призываю к объединению усилий всех, кто трудится ради воссоздания нашего братства, к координации самых разных инициатив, полагаемых на это благое дело. Господь да пребывает с вами, ниспосылая успех в трудах.

Из Слова у Монумена дружбы трех славянских государств: России, Белоруссии и Украины (пос. Веселовка, 27 июня 2001 года) (Алексий II. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. Т. III. Ч. I. М.: ИС РПЦ, 2004. С. 151–152)

Мы ныне собрались в месте, где сходятся земли Белоруссии, России и Украины. Почти десять лет назад здесь пролегли новые границы. Но три братских народа не желают забыть своего единства. Свидетельством тому воздвигнутый здесь Монумент дружбы.

Будучи гражданами одного государства, мы наверное не часто задумывались о том, как дорого нам многовековое общение и соработничество наших народов. Но теперь, когда единение вновь прокладывает себе дорогу через множество барьеров, через попытки поссорить и столкнуть нас, мы с особой ясностью ощущаем, сколько зла несет в себе разделение и каким благом является общность.

Стремление к единству вопреки *розни мира сего* не бывает легким. Можно формально стать одной страной, но жить посреди противоречий и конфликтов. Но можно, даже оставаясь в рамках разных государств, быть воистину одним народом. Для этого нужно с новой силой осознать свое духовное призвание, свою самобытность, свою уникальную миссию в мире.

Наши народы были крещены в одной купели святым равноапостольным великим князем Владимиром, который, по словам историка Карташева, завещал Руси идти по путям восточного Православия, не смущаясь их подчас каменистостью и тернистостью, не слушая сирен, увлекающих в противоположную сторону. Нас и сегодня пытаются увлечь *на страну далече*. Но трем народам должно быть понятно: без Православия, без свойственного нам образа жизни мы перестанем быть самими собой. Мало того, Европа и мир не смогут достойно ответить на новые вызовы времени, если утратят мудрость и красоту православной традиции. И, наоборот, прислушиваясь к нам, возвратившись к идеалам соборности, к истинно духовной жизни, человечество получит возможность отойти от опасной черты морального кризиса, у которой оно оказалось.

Основа единства – любовь, а она, по слову святого апостола Павла, *не завидует... не превозносится, не гордится... не ищет своего* (1 Кор. 13, 4–5). Святитель Тихон Задонский пишет, что она «благотворит ближнему без всякой своей пользы, ее радость и веселье – благотворить». В отношениях между народами нам нужно забыть о центрах и окраинах, о больших и меньших, мы должны прийти к подлинному равенству, ко взаимному уважению, и самое главное – к жертвенной готовности послужить друг другу. Ведь если мы семья, то двигать нами должна именно любовь, а не выгоды и расчеты.

Святая Православная Церковь сохранила свое единство поверх новых государственных границ, она не может разделиться по национальному признаку, ибо невозможно разделить сонм святых, в земле наглей просиявших, нельзя провести границы в Царстве Небесном, где славят Бога тысячи новомучеников и исповедников XX века. Церковь будет делать все, чтобы и здесь, во временной земной жизни, православные чада трех народов составляли одно тело Христово, один соборный организм. Именно поэтому мы поддерживаем любые инициативы, направленные на воссоздание и укрепление единства братских народов.

Обращение к участникам международной конференции «Роль Православной Церкви в создании и развитии Российского государства» (10 декабря 2001 года) (Алексий II. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. Т. III. Ч. II. М.: ИС РПЦ, 2005. С. 213–214)

Уважаемые коллеги!

Тема настоящей конференции органично соединяет обширный исторический материал с самой насущной и актуальной проблематикой. Сегодня, когда мы стали современниками, свидетелями и участниками духовного возрождения нашего народа и восстановления церковной жизни в России, нам надлежит глубоко осмыслить исторический опыт, то сложное, подчас трагическое, но всегда значительное наследие, которое нам даровано нашим прошлым.

Древняя Русь восприняла святую весть о Христе Воскресшем и приняла православное вероучение почти одновременно с установлением государственности. Ведь всего лишь два поколения отделяют святого равноапостольного князя Владимира, просветившего Русь светом Евангелия, от периода племенной разобщенности. Важно отметить, что принятие христианства не стало переломом в русской государственной истории, напротив, оно – один из важнейших истоков будущей жизни и судьбы нашей страны, движущая сила истории России, определившая самые глубинные, коренные черты и русского самосознания, и русской культуры и самого жизнеустройства Руси.

Именно на основе христианских представлений и традиций формировалось понимание задач и целей государственной власти, основываясь, прежде всего, на святоотеческой и агиографической традициях, народное сознание создавало образ благоверного властителя, выступавшего всегда как защитник веры и православного народа, и, как оппозицию ему, образ злого, нехристианского (или, зачастую исповедующего еретическое учение) деспота. Христианские установления стали истоком и русского права.

Со времени становления Московского княжества роль Православной Церкви на несколько веков становится определяющей: «малая весь» Москва по благословению святителя Петра становится центром Русской митрополии и это явилось наиболее важным фактором и ее политического возвышения. В годы татаро-монгольского ига, как и через три столетия – во время Смутного времени, именно Русская Церковь сохранила не только духовное, но и государственное единство Руси. Достаточно вспомнить труды и подвиги Московских святителей Алексия и Гермогена.

Но нельзя забывать, что «симфония» Церкви и государства может существовать до тех пор, пока каждая из сторон не нарушает естественную границу, разделяющую власть светскую и власть духовную. И в этом смысле наша история хранит также и свидетельства значительных конфликтов и нестроений. Еще во второй половине 16 века, в годы предстоятельства Митрополита Афанасия, главу Русской Церкви перестали приглашать к решению государственных вопросов. А меньше чем через столетие возник тяжелейший конфликт Патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, который, конечно же, несводим ни к личному конфликту двух выдающихся людей, ни к спору, вызванному только случайными, сиюминутными причинами. В этом жестоком и ярком противостоянии двух безусловно православных, глубоко верующих и преданных Церкви и Отчизне людей, выразился важнейший для русской государственности и церковной жизни вопрос – вопрос о границах каждой власти,

об областях, где светская и духовная власти должны быть едины в своем сотрудничестве, а где они должны сохранять полную независимость и самостоятельность.

Сложное положение Церкви в Синодальный период, когда ее старались превратить в часть государственного механизма, и тяжелейший опыт десятилетий гонений, тотального контроля и подавления в годы Советской власти, явственно показали, что никакие усилия и гонения не смогут вполне подчинить Церковь государству, что невиданные с времен римских императоров Нерона и Диоклетиана репрессии лишь скрепляют невидимое, небесное основание Церкви кровью новых мучеников. Но этот же опыт свидетельствовал и о живой вере в народе, и делал еще более очевидным тот факт, что истинно патриотическая государственная власть, власть, думающая о своем народе не только как о населении, живущем на каком-то географическом пространстве, но как о единой духовной и культурной общности – о народе в полном смысле этого слова, будет стремиться к сотрудничеству с Церковью, как с наиболее верным хранителем и выразителем истинного народного самосознания, истоком и хранителем самого его духовного самоопределения.

От всей души приветствую вас, уважаемые участники конференции, и надеюсь, что ваш совместный двухдневный труд будет плодотворным и станет еще одним шагом в понимании истоков и оснований сложнейших церковно-государственных отношений.

Свидетельства прошлого

Святитель Иларион Киевский. Похвала великому князю нашему Владимиру (Из Слова о Законе и Благодати) (ЖМП, 1988, № 2. С. 36–38)

И исполнились слова Спасителя: *многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю* (Мф. 8, 11–12). И еще: *отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его* (Мф. 21, 43).

К ним же и послал Христос учеников Своих, говоря: *идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет* (Мк. 16, 15–16). И еще: *Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам* (Мф. 28, 19–20).

И подобало благодати и истине воссиять над новым народом. Ибо не вливают, по словам Господним, вина нового, учения благодатного, *в мехи ветхие*, обветшавшие в иудействе, – *а иначе прорываются мехи, и вино вытекает*. Не сумев ведь удержать закона – тени, но не единожды поклонявшись идолам, как удержат учение благодати – истины? Но новое учение – новые мехи, новые народы! *И сберегается то и другое* (Мф. 9, 17).

Так и совершилось. Ибо вера благодатная распростерлась по всей земле и достигла нашего народа русского. И озеро закона пересохло, евангельский же источник, исполнившись водой и покрыв всю землю, разлился и до пределов наших. И вот уже со всеми христианами и мы славим Святую Троицу...

И уже не идолопоклонниками зовемся, но христианами, не без упования еще живущими, но уповающими на Жизнь Вечную. И уже не капища сатанинские воздвигаем, но церкви Христовы создаем; уже не друг друга бесам закалаем, но Христос за нас закалаем, закалаем и раздробляем в Жертву Богу и Отцу. И уже не как прежде, жертвенную кровь вкушая, погибаем, но, Пречистую Кровь Христову вкушая, спасаемся...

Хвалит же гласом хваления римская страна Петра и Павла, которыми приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; восхваляют Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия – Фому, Египет – Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждого своего учителя, которым научены православной вере. Восхвалим же и мы – по немощи нашей хотя бы и малыми похвалами – свершившего великие и досточудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли наглей Владимира, внука древнего Игоря и сына славного Святослава, которые, каждый в свое время властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах и победы и могущество которых воспоминаются и прославляются и поныне. Ибо правили они не в захудалой и безвестной земле, но в земле Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный князь наш Владимир и возрос, и укрепился, оставив младенчество, и паче возмужал, совершаясь в крепости и силе и в мудрости преуспевая. И тогда как в своевремение так он жил и справедливо, твердо и мудро пас землю свою, посетил его посещением Своим Всевышний. И воссиял в сердце его свет ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взysкать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

И совлекаясь князь наш, вместе с одеждами, *ветхого человека* (Кол. 3, 9), отложил тленное, отряс прах неверия и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды (Ин. 3, 5): во Христа крестившись, во Христа облекся (Гал. 3, 27); и вышел из купели убежденный, став

сыном нетления, сыном воскресения (Лк. 20, 36). Имя принял он древнее, славное в роды и роды – Василий, с которым и вписан в книгу жизни (Откр. 3, 5) в вышнем граде, нетленном Иерусалиме (Гал. 4, 26).

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле своей креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах открыто и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старым, боярам и простонародью, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, если даже некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему сие, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремени вся земля нагла восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас – и явилась заря правоверия; тогда тьма служения бесовского исчезла – и слово евангельское осияло нашу землю. Тогда капища разрушались, а церкви поставлялись, идолы сокрушались, а иконы святых являлись, бесы убегали, а крест освящал грады.

Пастыри словесных овец Христовых, епископы, предстали святому алтарю, принося Бескровную Жертву; пресвитеры и диаконы и весь клир украсили и в благолепие облекли святые церкви. Труба апостольская и гром евангельский огласили все грады; фимиам, возносимый Богу, освятил воздух. Встали на горах монастыри, явились черноризцы. Мужичи и жены, малые и великие, все люди, преисполнившие святые церкви, восславили Господа, взывая: *Един свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь!* Христос победил! Христос одолел! Христос воцарился! Христос прославился! *Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои!* Боже наш, слава Тебе!

Как же мы тебя восхвалим, о досточестный и славный средь земных владык и премужественный Василий? Как же выразим восхищение твоею добротою, крепостью и силой? И какое воздадим благодарение тебе за то, что приведены тобой в познание Господа и избыли идольское прельщение, ибо повелением твоим по всей земле твоей славится Христос? Или что еще о тебе скажем, христороубче, друже правды, вместилище разума, средоточие милости?

Как уверовал ты? Как воспламенился ты любовью ко Христу? Как вселилось в тебя разумение, превосходящее разумение земной мудрости, чтобы возлюбить Невидимого и устремиться к небесному? Как взыскал Христа, как предался Ему? Поведай нам, рабам твоим, поведай, учитель наш! Откуда повеяло на тебя *благоухание* Святого Духа? (2 Кор. 2, 14). Откуда возымел испить от сладостной чаши памятования о будущей жизни? Откуда восприял вкушать и видеть, *как благ Господь* (Пс. 33, 9; 1 Пет. 2, 3)?

Не видел ты Христа, не следовал за Ним. Как же стал учеником Его? Иные, видев Его, не веровали; ты же, не видев, уверовал. Поистине почил на тебе блаженство, о коем говорилось Господом Иисусом Фоме: *Блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 29). Посему, со дерзновением и не усомнившись, мы взываем к тебе: о блаженный! – ибо Сам Спаситель так назвал тебя. Блажен ты, ибо уверовал в Него и не соблазнился о Нем, по непреложному слову Его: *И блажен, кто не соблазнится о Мне* (Мф. 11, 6). Ибо знавшие закон и пророков распяли Его; ты же, ни закона, ни пророков не читавший, Распятому поклонился!

Как разверзлось сердце твое? Как вошел в тебя страх Божий? Как приобщился любви Его? Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою и своею нищетою и наготою, голодом и жаждою склоняющего к смирению сердце твое. Не видел ты, как именем Иисуса Христа бесы изгоняются, болящие исцеляются, немые говорят, жар в холод претворяется, мертвые встают (Мф. 10, 8). Не видев всего этого, как же уверовал?

О дивное чудо! Другие цари и властители, видев все это, святыми мужами свершаемое, не только не веровали, но и предавали еще тех на страдания и мучения. Ты же, о блаженный, безо всего этого притек ко Христу, лишь благомыслием и остроумием постигнув, что есть единый Бог, Творец всего невидимого и видимого, небесного и земного, и что Он послал в мир, ради спасения его, возлюбленного Сына Своего. О том помыслив, ты и вошел в святую купель. И то, что кажется иным юродством, силой Божией тебе вменилось (1 Кор. 1, 18).

Приведем из Священного Писания и иное, более ясное и верное свидетельство, относящееся к тебе и принадлежащее апостолу Иакову: *обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов* (Иак. 5, 20).

Если таково воздаяние от Преподобного Бога обратившему даже одного человека, то какое же блаженство приобрел ты, о Василий? Какое упразднил ты бремя греховное, обратив от заблуждения идольского прельщения не одного человека, не десять, не град, но всю область сию?

Сам Христос Спаситель дарует нам уверение и показывает, какой славы и чести сподобил Он тебя на Небесах, говоря: *всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 32). Но если только лишь исповедавший Христа пред людьми исповедан будет Им пред Богом и Отцом, то какой похвалы от Него сподобишься ты, не только исповедавший, что *Христос есть Сын Божий* (Деян. 8, 37), но исповедавший и веру утвердивший в Него не на одном соборе, а по всей земле сей, и воздвигший церкви Христовы, и поставивший служителей Ему?

О подобный великому Константину, равный ему умом, равный любовью ко Христу, равный почтительностью к служителям Его! Тот со святыми отцами Никейского Собора полагал закон народу своему – ты же, часто собираясь с новыми отцами нашими – епископами, с великим смирением совещался с ними о том, как установить закон нашему народу, новопознавшему Господа. Тот покори́л Богу царство в еллинской и римской земле, ты же – на Руси, ибо Христос уже как у них, так и у нас зовется Царем. Тот с матерью своей Еленой веру утвердил, принеся крест из Иерусалима и распространив его по всему миру своему, – ты же с бабкою своею Ольгою веру утвердил, принеся крест из нового Иерусалима, града Константинова, и поставив его по всей земле твоей. И, как подобного ему, соделал тебя Господь на Небесах сопричастником одной с ним славы и чести в награду за благочестие твое, которое стяжал ты в жизни своей.

Встань, о честная глава, из гроба твоего! Встань, отряси сон! Ибо ты не умер, но спишь до всеобщего востания. Встань, ты не умер! Не надлежало умереть тебе, уверовавшему во Христа, Который есть Жизнь, дарованная всему миру (Ин. 11, 25; б, 33). Отряси сон, возведи взор и увидишь, что Господь, таких почестей сподобив тебя там, на Небесах, и на земле не без памяти оставил в сыне твоем. Встань, посмотри на чадо свое, сына Георгия, посмотри на кровного своего, посмотри на возлюбленного своего, посмотри на того, кого Господь извел от чресл твоих, посмотри на украшающего престол земли твоей и возрадуйся, и возвеселись!

Посмотри же и на град твой, величием сияющий, посмотри на церкви процветающие, посмотри на христианство возрастающее, посмотри на град, иконами святых блистающий и ими освящаемый, фимиамом благоухающий, славословиями Божественными исполненный и песнопениями святыми оглашаемый. И, все это видев, возрадуйся, и возвеселись, и восхвали Преподобного Бога, Устроителя всего!

Но ты уже видел это, хотя и не телесными очами, но духом, ибо Господь открывает тебе все сие, о чем и подобает тебе радоваться. Ибо семена веры, тобою посеянные, не иссушены зноем неверия, но, орошенные дождем Божия поспешения, принесли многообильные плоды.

Радуйся, апостол среди владычествующих, воскресивший не мертвые тела, но нас воскресивший, мертвых душою, смерть претерпевших от недуга идолослужения! Ибо тобою мы приблизились к Богу и познали Жизнь Божественную, Христа (Ин. 11, 25). Согбенны были мы, подпав бесовскому прельщению, но тобою исправлены и вступили на путь Жизни Вечной; слепы были мы сердечными очами, лишённые духовного видения, но поспешением твоим прозрели, увидев Свет Трисолнечного Божества; немые были мы, но тобою возвращен нам дар слова, и ныне уже все мы, малые и великие, славим Единосущную Троицу.

Радуйся, учитель наш и наставник благочестия! Ты облечен был правдою, препоясан крепостью, обут истиной (Еф. 6, 14–15), венчан добромыслием и, как гривной и золотой утварью, украшен милосердием. Ты, о честная глава, был нагим одеяние, ты был алчущим насыщение, ты был жаждущим охлаждение их утробы, ты был вдовам вспомоществование, ты был странствующим пристанище, ты был бескровным покров, ты был обидимым заступление, убогим обогащение.

В утешение за эти и иные добрые дела приемля воздаяния на Небесах, вкушая блага, *что приготовил Бог вам, любящим Его* (1 Кор. 2, 9), и насыщаясь сладостным лицезрением Его, помолись, о блаженный, о земле своей и о народе, которым благоверно владычествовал, да сохранит его Господь в мире и благочестии, преданном ему тобою, и да славится в нем правая вера, и да попирается всякая ересь, и да соблюдет его Господь Бог от всякого ратного нашествия и пленения, от глада и всякой скорби и напасти!

И еще помолись о сыне твоём, благоверном князе нашем Георгии, да в мире и здравии преплыть ему пучину жизни сей и неврежденно привести корабль душевный свой к безбурному пристанищу Небесному, и веру сохранив, и с богатством добрых дел; чтобы, непрерывно управляв Богом вверенный ему народ, вместе с тобою непостыдно предстать ему Престолу Вседержителя Бога и за труды пастьбы народа своего приять от Него венец славы нетленной со всеми праведниками, потрудившимися ради Него! Аминь.

Мних Иаков. Память и похвала князю русскому Владимиру (Богословские труды. 1989. Сб. 29. С. 45–51)

*Память и похвала князю русскому Владимиру: как крестился
Владимир и детей своих крестил и всю землю русскую от конца и до
конца, и как крестилась бабка Владимирова Ольга прежде Владимира.
Написано Иаковом монахом*

Павел, святой апостол, церковный учитель и светило всего мира, посылая к Тимофею послание, говорил: *сын мой, Тимофей, что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить* (2 Тим. 2, 1, 2). И блаженный апостол Лука евангелист к Феофилу писал, говоря: *как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен* (Лк. 1, 1–4). К этому Феофилу написал Деяния апостольские и Евангелие святой апостол Лука. Потом многих святых начали писать жития и мучения. Также и я, худый монах Иаков, слыша от многих о благоверном князе Владимире всея Русской земли, сыне Святослава, и, немного собрав от многих тех, добродетели его описал, и о сыновьях его, то есть святых и славных мучениках Борисе и Глебе, – как просветила Благодать Божия сердце князю русскому Владимиру, сыну Святослава и внуку Игоря, и возлюбил его человеколюбивый Бог, хотящий спасти всякого человека [чтобы ему] в разум истины прийти – и возжелал святого Крещения. *Как лань желает к потокам воды* (Пс. 41, 2), так возжелал благоверный князь Владимир святого Крещения, и Бог исполнил желание его. Ибо написано: *Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их* (Пс. 144, 19). И Сам Господь сказал: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят* (Мф. 7, 7–8). И еще сказал: *Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет* (Мк. 16, 16). Взыскав спасения и узнал от бабки своей Ольги, как пошла к Царьграду и приняла святое Крещение и в добродетели попала перед Богом, всеми добрыми делами украсившись, и почила с миром во Христе Иисусе в вере благой. Князь Владимир, все это слыша от бабки своей Ольги, нареченной во святом Крещении Еленой, и житию ее подражая, святой царицы Елены, блаженной княгини Ольги, – это слыша, Владимир возгорелся Святым Духом сердцем своим хотя святого Крещения. Бог же, видя хотение сердца его, провидя доброту его, призрел с небес милостью Своею и щедротами; и в Троице славимый,¹ испытующий сердца и утробы, Бог праведный, все прежде ведающий, просветил сердце князя русской земли Владимира принять святое Крещение.

Крестился сам Владимир и детей своих и весь дом свой святым Крещением просветил и освободил всякую душу мужского пола и женского для святого Крещения. И возрадовался и возвеселился о Боге князь Владимир, (как) Давид,² и как святой пророк дивный³ Аввакум,⁴

¹ После этих слов в оригинале – словосочетание «князя Володимера», нарушающее синтаксическую логику предложения и опущенное при переводе.

² См. Пс. 9, 3.

³ См. Авв. 3, 17–18.

⁴ Здесь в оригинале: «о Бозе Спасе» – очевидно, повтор переписчика. Парафраз Песни Пресвятой Богородицы (Лк. 1, 16

веселясь и радуясь о Боге Спасе своем. О, блаженное время и день добрый, исполненный всякого блага, когда крестился Владимир князь! И наречен был в святом Крещении Василий, и дар Божий осенил его, Благодать Святого Духа осветила сердце его и научила по заповеди Божией ходить и жить в Боге, и веру твердую удержал неизменной. Крестил же и всю землю Русскую от конца и до конца, и языческих богов, бесов Перуна и Хорса и многих других потоптал, и низверг идолов, и отверг всю безбожную ложь. И церковь построил каменную во имя Пресвятой Богородицы – прибежище и спасение душам верным – и десятину ей дал, чтобы о священнослужителях позаботиться и о сиротах, и о вдовицах, и о нищих. И потом всю землю Русскую и города все украсил святыми церквами; и отверг всю дьявольскую ложь, и вышел из тьмы дьявольской на свет, с детьми своими пришел к Богу, приняв Крещение, и всю землю Русскую вырвал из уст дьявола, и к Богу привел, к свету истинному. Ибо сказал Господь через пророка: *если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Иер. 15, 19), – и стал князь Владимир как уста Божии, и человеков от лжи дьявольской к Богу привел. О, какая радость и веселие настали на земле! И ангелы возвеселились и архангелы, и духи святых взыграли. Сам Господь сказал, какая радость бывает на небесах *об одном грешнике кающемся* (Лк. 15, 7). Такое бесчисленное (множество) душ по всей земле Русской приведены к Богу святым Крещением! Похвалы всякой достойно то дело (которое он) совершил, и радости духовной исполнено.

О, блаженный и преблаженный князь Владимир, благоверный и христоролюбивый, и страннолюбивый! Награда твоя весьма велика перед Богом. И блаженный Давид говорил: *Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим, чтобы дать ему покой в бедственные дни* (Пс. 93, 12–13).

Блаженный князь Владимир, уклонившись от службы дьяволу, пришел ко Христу Богу Владыке своему и людей своих привел, и научил их служить Богу. Ибо сам Господь сказал: *кто сотворит (заповедь) и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном* (Мф. 5, 19). А ты, о блаженный княже Владимире, стал апостолом во князьях, всю землю Русскую приведшим к Богу святым Крещением, и научил людей своих поклоняться Богу, славить и воспевать Отца и Сына и Святого Духа. И все люди Русской земли познали Бога через тебя, божественный княже Владимире! Возрадовались же ангельские чины, агнцы чистые, – ныне радуются верные! – и воспели, и восхвалили. Как младенцы еврейские с ветвями встретили Христа, восклицая: «Осанна Христу Богу, победителю смерти!» – так и новоизбранные люди Русской земли вновь восхвалили Владыку Христа со Отцом и со Святым Духом, к Богу приблизившиеся Крещением и отрекшиеся от дьявола, и служение ему осмеяли, и презрели бесов, и познали Бога истинного, Творца и Создателя всей твари и поют во все дни жизни и на всяк час песнь чудную, хвалу архангельскую: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение* (Лк. 2, 14). И ты, блаженный княже Владимире, подобное Константину великому содеял. Ведь он верой великою и любовью к Богу подвигся, утвердил во всей вселенной любовь и веру и святым Крещением просветил весь мир, и закон Божий по всей земле заповедал, и разрушил храмы идольские со лжеименными богами, святыне же церкви по всей вселенной поставил на хвалу Богу, в Троице славимому, Отцу и Сыну и Святому Духу; крест обрел – всему миру спасение, с божественной и богомудрой матерью своей святой Еленой; и с чадами многими привел к Богу святым Крещением бесчисленное множество, и требища бесовские истребил, и храмы идольские разрушил, и церквами украсил всю вселенную и (свой) город, и повелел в церквах память Святым творить песнопениями и молитвами, и праздники праздновать во славу и хвалу Богу. То же и блаженный князь Владимир совершил с бабкой своей Ольгой.

[В этот же день похвала княгине Ольге, как крестилась и истинно жила по заповеди Господней].

Ибо эта блаженная княгиня русская Ольга по смерти мужа своего Игоря, князя русского, освящена была Божией Благодатью и в сердце приняла Божию Благодать.⁵ О как восхваляю блаженную княгиню Ольгу, братие! Не знаю. Телом будучи женщина, (но) мужскую мудрость имея, просвещенная Святым Духом, уразумевшая Бога истинного, Творца неба и земли, восстав, пошла в землю Греческую, в Царьград, где царями христиане и христианство утвердилось, и, придя, попросила Крещения, и приняв святое Крещение, возвратилась в землю Русскую, в дом свой, к людям своим, с радостью великою, освещенная духом и телом, неся знамение Честного Креста. И потом требища бесовские разрушила и начала жить во Христе Иисусе, возлюбив Бога всем сердцем и всей душой, и пошла вослед Господа Бога, всеми добрыми делами осветившись и милостынею украсившись: нагих одевая, жаждущих напоая, странствующим давая приют, нищих и вдовиц, и сирот – всех милуя, и потребное давая всем с тихостью и любовью сердца, и моля Бога день и ночь о спасении своем. И так пожив и добром славя Бога в Троице, Отца, Сына и Святого Духа, почил в благой вере, окончив житие свое с миром о Христе Иисусе, Господе нашем. И Бог прославил тело своей Елены – этим именем в святом Крещении наречена блаженная княгиня Ольга, – и остается в гробе тело ее честное и неразрушимо пребывает и до сих дней. Ибо Бог прославляет своих рабов, как сказал пророк: *прослаблю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены* (1 Цар. 2, 30). Блаженная же княгиня Ольга прославила Бога всеми добрыми делами своими, и Бог прославил ее. Иное чудо услышите о ней: о гробе, где лежит блаженное и честное тело блаженной княгини Ольги. Гроб каменный малый в церкви святой Богородицы (эту церковь создал блаженный князь Владимир, каменную, в честь святой Богородицы) и есть гроб блаженной Ольги, и на верху гроба оконце сотворено, и через него видно тело блаженной Ольги, лежащее цело. Кто с верою придет – отворится оконце, и он увидит честное тело, лежащее целым, и подивится чуду такому: столько лет во гробе лежащему телу неразрушившемуся. И люди верные, видя чудо, весьма славят Бога, дивясь милости Божией, каковою одаривает святых Своих. О дивное и страшное чудо, братия, и преславное! И достойно похвалы всякой тело то честное: во гробе цело, будто спит, покоится! Поистине, *дивен Бог во святых своих, Бог израилев* (Пс. 67, 36). Видя это, верные люди прославят Бога, прославляющего рабов Своих. А другим, кто не с верою приходит, не отворится оконце гробное и не видят тела того честного, но только гроб. Так Бог прославил рабу Свою Ольгу, русскую княгиню, нареченную в святом Крещении Еленой. По святом же Крещении эта блаженная княгиня Ольга жила 15 лет и, угодив Богу добрыми своими делами, скончалась месяца июля в 11 день в год 969, душу свою честную предав в руки Владыке Христу Богу.

Блаженный же княже Владимир, внук Ольгин, крестился сам и детей своих, и всю землю Русскую крестил от конца и до конца; храмы идольские и требища повсюду сровнял с землей и посек и идолов сокрушил; и всю землю Русскую, и города, и Церкви пречестными иконами украсил, память святых в церквах творя песнопениями и молитвами, и празднуя светло праздники Господские, три трапезы поставляя: первую митрополиту с епископами, и с монахами, и со священниками; вторую нищим и убогим, третью себе и боярам своим, и всем мужам своим. Блаженный князь Владимир уподобился царям святым: пророку Давиду, царю Иезекиилю, и преблаженному Осии, и великому Константину, который избрал и предпочел Божий закон всему и послужил Богу всем сердцем, и получил милость Божию, и наследовал рай, и принял Царство Небесное, и почил со всеми святыми, угодившими Богу, – так и блаженный князь Владимир, послужив Богу всем сердцем и всей душой. Не удивляемся, возлюбленные, что чудес не творит после смерти: ведь многие святые, праведные не

⁵ Княгиня Ольга приняла святое Крещение в 955 году.

сотворили чудес, но святы. Как сказал об этом святой Иоанн Златоуст: «По чему знаем и понимаем, что свят человек? По чудесам ли или по делам?» И ответил: «По делам познается, а не по чудесам». Ибо много и волхвы чудес сотворили бесовским наваждением; ведь были святые апостолы – и бывали лжеапостолы, были святые пророки – и бывали лжепророки, слуги дьявола; иное чудо, и сам сатана преображается в ангела светлого. Но по делам познается святой, как и апостол сказал: *Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона* (Гал. 5, 22–23). Блаженный же князь Владимир всем сердцем и всей душой Бога возлюбил и заповеди Его взыскал и сохранил. И все народы боятся его и дары приносят ему. И возвеселился и возрадовался о Боге и о святом Крещении, и восхвалял и славил Бога за все это князь Владимир, и так в радости смиренным сердцем говорил: «Господи, Владыко благий! Вспомнил меня и привел меня к свету, и я познал Тебя, всей твари Творца. Слава Тебе, Боже всех, Отче Господа нашего Иисуса Христа! Слава Тебе и Сыну и Святому Духу за то, что так меня помиловал! Во тьме пребывал, дьяволу служа и бесам, но Ты меня святым Крещением просветил. В зверином (образе) пребывал, много зла творил в язычестве и жил, как скоты, нагим: Ты меня укротил и наказал Своею Благодатью. Слава Тебе, Боже, в Троице славимый, Отец и Сын и Святой Дух! Троица Святая! Помилуй меня, настави меня на путь Твой и научи меня творить волю Твою – ибо Ты есть Бог мой». И князь Владимир старался подражать делу святых людей и их жизни и возлюбил Авраамово житие и подражал странно любияю его, Иаков левой истине, Моисеевой кротости, Давидову беззлобию, царя Константина Великого, первого царя христианского, – того подражая правоверию. Важнее же всего, (что) князь Владимир постоянно творил милостыню: ежели кто из немощных и старых не мог дойти до княжего двора и взять необходимое, то посылал им на двор; немощным и старым блаженный князь Владимир давал все, в чем была нужда. И не могу перечислить всех его милостей: не только в своем доме милостыню творил, но и по всему городу; не в одном Киеве, но и по всей земле Русской: и в городах, и в селах – везде милостыню творил, нагих одевая, алчущих насыщая и жаждущих напоая, странникам милостиво давая приют и церковников чтя и любя, и милуя, давая им необходимое: нищих и сирот, и вдовиц, и хромых, и больных – всех милуя, одевая, насыщая и напоая. Когда вот так, в добрых делах пребывал князь Владимир, Благодать Божия просвещала сердце его и рука Господня помогала ему – побеждал он всех врагов своих, и боялись его все. Если шел – одолевал: радимичей победил и данью обложил, вятичей победил и их тоже обложил данью, и ятвягов взял, серебряных болгар победил, и на хазар пошел и победил их и данью их обложил. Замыслил и на греческий город Корсунь (идти), и так молился князь Владимир Богу: «Господи Боже, Владыко всех! Одного у Тебя прошу – дай мне град, чтобы взять (его) и привести людей-христиан и священников на свою землю и чтобы научили народ (мой) закону христианскому». И услышал Бог молитвы его, и взял град Корсунь. И взял сосуды церковные и иконы, и мощи святого священномученика Климента и иных святых. В те дни были два царя в Царьграде: Константин и Василий. И послал к ним Владимир, прося у них сестру в жены – чтобы более себя на христианский закон направить. И дали (они) ему сестру свою и дары многие прислали ему, и мощи святых дали ему. Так, достойно похвалы, жил князь Владимир и кончил жизнь свою в правоверной вере во Христа Иисуса Господа нашего, как и благоверная Ольга: ибо и та пошла к Царьграду, приняла святое крещение и много сделала добра в этой жизни перед Богом, и кончила жизнь свою в истинной вере, и почил с миром, в руки Божии душу предав. И когда князь Владимир был еще жив, напало войско печенег. Владимир же был болезнью одержим, и в этой болезни предал душу свою в руки Божии.

[Молитва князя Владимира]

Князь Владимир, оставляя свет сей молился, говоря так: «Господи Боже мой! Жил не ведая Тебя, но Ты помиловал меня, и святым Крещением просветил Ты меня – и познал Тебя, Боже всех, святой Творец всей твари, Отец Господа нашего Иисуса Христа! Слава Тебе и Сыну и Святому Духу! Владыко Боже! Не попомни моей злобы: не познал Тебя в язычестве, ныне же знаю Тебя и увидел. Господи Боже мой! Помилуй меня: если хочешь казнить и мучить меня за грехи мои – казни меня Сам, Господи, но бесам не предай меня». И так говоря и молясь Богу, предал душу свою с миром ангелам Господним и преставился. И как праведных душа в руке Божией, и воздаяние им от Бога, и помощь им от Всевышнего – то примут венец красоты от руки Господней. По святом же Крещении жил блаженный князь Владимир 28 лет. На другой год после Крещения ходил к порогам, на третий год город Корсунь взял, на четвертый год церковь каменную святой Богородицы заложил, в девятый год блаженный христоролюбивый князь Владимир десятину дал церкви святой Богородицы от владений своих. Об этом ведь и сам Господь сказал: *где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). Блаженный князь Владимир имел сокровище свое на небесах, сокрыв милостыней и своими добрыми делами, – там и сердце его было, в Царствии Небесном. И Бог помог ему, и сел в Киеве на место отца своего Святослава и деда своего Игоря. А князя Святослава печенеги убили, а Ярополк сел в Киеве на место отца своего Святослава. И когда Олег с воинами шел около Овруча града, мост с воинами обломился и придавил Олега во рву. А Ярополка убили в Киеве люди Владимировы. И сел в Киеве князь Владимир на восьмой год по смерти отца своего Святослава, июня месяца в 11 день в год 978. Крестился князь Владимир на десятый год по убиении брата своего Ярополка. Клял себя и плакался блаженный князь Владимир из-за всего того, что сделал в язычестве, не ведая Бога. Познав же Бога истинного, Творца неба и земли, покаялся за все и отвернулся от дьявола и бесов, и всей службы его, и послужил Богу добрыми своими делами и милостыней. Почил с миром июля месяца в 15 день 1015 года во Христе Иисусе Господе.

Из «Повести временных лет» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб.: Наука, 2004. С. 62–315)

И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но преблагой Бог не захотел гибели грешников, и на том холме стоит ныне церковь святого Василия, как расскажем об этом после. Теперь же возвратимся к прежнему.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?». Они же ответили: «Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье, напротив, сказал он: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть». Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: "Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера – свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги – просто дерево"». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?». И ответили они: «Пост по силе: "если кто пьет или ест, то все это во славу Божию", – как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?». Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и зайчины, соблюдать субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?». Они же сказали: «В Иерусалиме». А он спросил: «Точно ли она там?». И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?».

Затем прислали греки к Владимиру философа, так сказавшего: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверное делающих. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую...». Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима научить вас вере своей. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: "Сие есть Тело Мое, ломимое за вас...". Также и чашу взял и сказал: "Сия есть Кровь Моя Нового Завета". Те же, которые не творят этого,

неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того; их же пророки предсказывали, что родится Бог, а другие – что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят и, воскреснув, взошел на небеса, от них же ожидал Бог покаяния 46 лет, но не покаяться, и тогда послал на них римлян; и разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел Бог на землю и принял такое страдание?». Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем Бог сошел на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так:

«В начале, в первый день, сотворил Бог небо и землю <...> Так возлюбил Бог новых людей и открыл им, что сойдет к ним Сам, явится человеком во плоти и искупит страданием грех Адама. И стали пророчествовать о воплощении Бога, раньше других Давид: "Сказал Господь Господу моему: Сядь одесную Меня, доколе положу врагов Твоих к подножию ног Твоих". И еще: "Сказал Мне Господь: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя". Исаия же сказал: "Ни посол, ни вестник, но Сам Бог, придя, спасет нас". И еще: "Младенец родится нам,ладычество на плечах Его, и нарекут имя Ему: великого света ангел... Велика власть Его, и миру Его нет предела". И еще: "Вот, Дева во чреве зачнет, и нарекут имя Ему Еммануил". Михей же сказал: "Ты, Вифлеем – дом Ефранта, разве ты не велик между тысячами иудинными? Из тебя ведь произойдет Тот, Который должен быть Владыкою во Израиле и исход Которого от дней вечных. Посему Он ставит их до времени, доколе не родит тех, которые родят, и тогда возвратятся оставшиеся братья их к сынам Израиля". Иеремия же сказал: "Сей есть Бог нагл, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее отроку своему Иакову... После того Он явился на земле и жил между людей". И еще: "Человек Он; кто узнает, что Он Бог? ибо умирает, как человек". Захария же сказал: "Не послушали Сына Моего, а Я не услышу их, говорит Господь". И Осия сказал: "Так говорит Господь: плоть Моя от них".

Прорекли же и страдания Его, говоря, как сказал Исаия: "Горе душе их! Ибо совет зол сотворили, говоря: свяжем праведника". И еще сказал тот же пророк: "Так говорит Господь:... Я не воспротивляюсь, не скажу вопреки. Хребет Мой отдал Я для нанесения ран, а щеки Мои – на заушение, и лица Моего не отвернул от поругания и оплевания". Иеремия же сказал: "Придите, положим дерево в пищу Его и отторгнем от земли жизнь Его". Моисей же сказал о распятии Его: "Увидите жизнь вашу, висящую перед глазами вашими". И Давид сказал: "Зачем мятутся народы". Исаия же сказал: "Как овца, веден был Он на заклание". Ездра же сказал: "Благословен Бог, распростерший руки Свои и спасший Иерусалим".

И о воскресении сказал Давид: "Восстань, Боже, суди землю, ибо Ты наследуешь среди всех народов". И еще: "Как бы от сна воспрянул Господь". И еще: "Да воскреснет Бог, и да расточатся враги Его". И еще: "Воскресни, Господи Бог мой, да вознесется рука Твоя". Исаия же сказал: "Сошедшие в страну тени смертной, свет воссияет на вас". Захария же сказал: "И Ты ради крови завета твоего освободил узников своих из рва, в котором нет воды".

И много пророчествовали о Нем, что и сбылось все».

Спросил же Владимир: «Когда же это сбылось? И сбылось ли все это? Или еще только теперь сбудется?». Философ же ответил ему: «Все это уже сбылось, когда воплотился Бог. Как я уже сказал, когда евреи избивали пророков, а цари их преступали законы, предал их (Бог) на расхищение, и выведены были в плен в Ассирию за грехи свои, и были в рабстве там 70 лет. А затем возвратились в свою землю, и не было у них царя, но архиереи властвовали над ними до иноплеменника Ирода, ставшего над ними властвовать».

В правление этого последнего, в год 5500, послан был Гавриил в Назарет к Деве Марии, родившейся в колене Давидовом, сказать Ей: "Радуйся, обрадованная. Господь с Тобою!". И от слов этих зачала Она в утробе Слово Божие, и родила Сына, и назвала его Иисус. И вот пришли с востока волхвы, говоря: "Где родившийся Царь еврейский? Ибо видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему". Услышав об этом, Ирод царь пришел в смятение, и весь Иерусалим с ним, и, призвав книжников и старцев, спросил их: "Где рождается Христос?". Они же ответили ему: "В Вифлееме еврейском". Ирод же, услышав это, послал с приказанием: "Избейте младенцев всех до двух лет". Они же пошли и истребили младенцев, а Мария, испугавшись, спрятала Младенца. Затем Иосиф с Марией, взяв Младенца, бежали в Египет, где пробыли до смерти Ирода. В Египте же явился Иосифу ангел и сказал: "Встань, возьми Младенца и Мать Его и иди в землю Израилеву". И, вернувшись, поселился в Назарете. Когда же Иисус вырос и было Ему 30 лет, начал Он творить чудеса и проповедовать Царство Небесное. И избрал 12, и назвал их учениками Своими, и стал творить великие чудеса – воскрешать мертвых, очищать прокаженных, исцелять хромых, давать прозрение слепым – и иные многие великие чудеса, которые прежние пророки предсказали о Нем, говоря: "Тот исцелил недуги наши и болезни наши на Себя взял". И крестился Он в Иордане от Иоанна, показав обновление новым людям. Когда же Он крестился, отверзлись небеса, и Дух сошел в образе голубином, и голос сказал: "Вот Сын Мой возлюбленный, Его же благоизволил". И посылал Он учеников Своих проповедовать Царствие Небесное и покаяние для оставления грехов. И собирався исполнить пророчество, и начал проповедовать о том, как подобает Сыну человеческому пострадать, быть распяту и в третий день воскреснуть. Когда же учил Он в церкви, архиереи и книжники исполнились зависти, и хотели убить Его, и, схватив Его, повели к правителю Пилату. Пилат же, дознавшись, что привели Его без вины, захотел Его отпустить. Они же сказали ему: "Если отпустишь Этого, то не будешь другом цезарю". Тогда Пилат приказал, чтобы Его распяли. Они же, взяв Иисуса, повели на лобное место, и тут распяли Его. Настала тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, и в девятом часу испустил дух Иисус, церковная завеса разодралась надвое, восстали мертвые многие, которым повелел войти в рай. Сняли Его с креста, положили Его в гроб, и печатями запечатали гроб евреи, приставили стражу, сказав: "Как бы не украли ученики Его". Он же воскрес на третий день. Воскреснув из мертвых, явился Он ученикам своим и сказал им: "Идите ко всем народам и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа". Пробыл Он с ними 40 дней, приходя к ним после Своего воскресения. Когда прошло 40 дней, повелел им идти на гору Елеонскую. И тут явился им, и благословил их, и сказал: "Будьте в граде Иерусалиме, пока не пришлю вам обетование Отца Моего". И, сказав это, вознесся на небо, они же поклонились Ему. И возвратились в Иерусалим, и были всегда в церкви. По прошествии пятидесяти дней сошел Дух Святой на апостолов. А когда приняли обетование Святого Духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою».

Владимир же спросил: «Почему родился Он от жены, был распят на дереве и крестился водою?». Философ же ответил ему: «Вот чего ради. Вначале род человеческий женою согрешил: дьявол прельстил Адама Евою, и лишился тот рая, так и Бог отомстил дьяволу: через жену была первоначальная победа дьявола, из-за жены первоначально был изгнан Адам из рая; так же через жену воплотился Бог и повелел войти в рай верным. А на древе Он был распят потому, что от древа вкусил Адам и из-за него был изгнан из рая; Бог же на древе принял страдания, чтобы древом был побежден дьявол, и древом жизни спасутся праведные. А обновление водою совершилось потому, что при Ное, когда умножились грехи у людей, навел Бог потоп на землю и потопил людей водою; потому-то и сказал Бог: "Как водою погубил Я людей за грехи их, так и теперь вновь водою очищу от грехов людей – водою обновления"; ибо и евреи в море очистились от египетского злого нрава, ибо первой была сотворена вода, сказано ведь: Дух Божий носился поверх вод, потому и ныне крестятся водою и

духом. Первое преображение тоже было водою, чему Гedeон дал прообраз следующим способом: когда пришел к нему ангел, веля ему идти на мадимьян, он же, испытав, обратился к Богу, положив руно на гумне, сказал: "Если будет по всей земле роса, а руно сухо...". И было так. Это же было прообразом, что все иные страны были прежде без росы, а евреи – руно, после же на другие страны пала роса, которая есть святое Крещение, а евреи остались без росы. И пророки предрекли, что обновление будет через воду. Когда апостолы учили по вселенной веровать Богу, учение их и мы, греки, приняли, вселенная верует учению их. Установил же Бог и день единый, в который, сойдя с небес, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его: праведникам – царство небесное, красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же – мучение огненное, червь неусыпальный и мука без конца. Таковы будут мучения тем, кто не верит Богу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится».

И, сказав это, философ показал Владимиру завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись». Владимиру же запало это в сердце, и сказал он: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честью великою.

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: "Прими закон наш". Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?». И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь поистине все разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, у кого какая служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом 10, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: «Зачем пришли?». Они же рассказали ему все. Услышав это, царь обрадовался и в тот же день сотворил им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возжгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», – и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и

ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?». Они же сказали: «Где тебе любо».

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались его, Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпали, они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, – сам крещусь!». И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своей и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари, и послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упростили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Пусть пришедшие с сестрою вашею и крестят меня». И послушались цари, и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: «Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами, и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не сможешь избавиться от недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тот тотчас же прозрел. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь узнал я истинного Бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсунь посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата – за алтарем. После крещения привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят – в Василеве, а другие и по-иному скажут. Когда

же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так: "Верую во единого Бога Отца Вседержителя, творца неба и земли"» – и до конца этот символ веры. И еще: «Верую во единого Бога Отца нерожденного и во единого Сына рожденного, в единый Дух Святой, исходящий: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и естеством, но не в божественной сущности: ибо разделяется Бог нераздельно и соединяется без смешения, Отец, Бог Отец, вечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и перво-причина всему, только нерождением своим старший, чем Сын и Дух; от него же рождается Сын прежде всех времен. Дух же Святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть Отец, вместе Сын, вместе и Дух Святой. Сын же подобосущен Отцу, только рождением отличаясь от Отца и Духа. Дух же пресвятой подобосущен Отцу и Сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо Отцу отцовство, Сыну сыновство, Святому же Духу исхождение. Ни Отец переходит в Сына или Духа, ни Сын в Отца или Духа, ни Дух в Сына или в Отца: ибо неизменны их свойства... Не три Бога, но один Бог, так как божество едино в трех лицах. Желанием же Отца и Духа спасти свое творение, не изменяя людского семени, сошло и вошло, как божественное семя, в девичье ложе пречистое и приняло плоть одушевленную, словесную и умную, прежде не бывшую, и явился Бог воплощенный, родился неизреченным путем, сохранив нерушимым девство матери, не претерпев ни смятения, ни смешения, ни изменения, а оставшись как был, и став каким не был, приняв вид рабский – на самом деле, а не в воображении, всем, кроме греха, явившись подобен нам (людям)... По своей воле родился, по своей воле почувствовал голод, по своей воле почувствовал жажду, по своей воле печалился, по своей воле утрастился, по своей воле умер – умер на самом деле, а не в воображении; все собственные человеческой природе, неподдельные мучения пережил. Когда же был распят и вкусил смерти безгрешный, – воскрес в собственном теле, не зная тления, взошел на небеса, и сел справа от Отца, и придет вновь со славою судить живых и мертвых; как вознесся со своей плотью, так и сойдет... Исповедую же и едино крещение водою и духом, приступаю к пречистым Таинам, верую воистину в Тело и Кровь... принимаю церковные предания и поклоняюсь пречестным иконам, поклоняюсь пречестному древу и всякому кресту, святым мощам и священным сосудам. Верую и в семь Соборов святых отцов, из которых первый был в Никее – 318 отцов, проклявших Ария и проповедовавших непорочную и правую веру. Второй Собор в Константинополе – 150 святых отцов, проклявших духоборца Македония и проповедовавших единосущную Троицу. Третий же Собор в Эфесе – 200 святых отцов против Нестория, прокляв которого, проповедали святую Богородицу. Четвертый Собор в Халкидоне – 630 святых отцов против Евтиха и Диоскора, которых и прокляли святые отцы, провозгласив Господа нашего Иисуса Христа совершенным Богом и совершенным человеком. Пятый Собор в Царьграде – 165 святых отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых и прокляли святые отцы. Шестой Собор в Царьграде – 170 святых отцов против Сергия и Кира, проклятых святыми отцами. Седьмой Собор в Никее – 350 святых отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам».

<...>

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуни на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи: стоит церковь та и доныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которых невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы – одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил 12 мужей колотить его палками. Делалось это не

потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, – чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, Господи, и чудны дела твои!». Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как зовется она и до сих пор. Затем послал Владимир по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь нагл и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогнан я отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не смогу уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, воззрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по Божиему устройению и по милости своей помиловал их Бог; как сказал пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по Божиему изволению, а не по нашим делам. Благословен Господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым. Вот почему и мы поклоняемся Ему, говоря: «Господь Иисус Христос! Чем смогу воздать Тебе за все, что воздал нам грешным? Не знаем, какое воздаяние дать Тебе за дары Твои». «Ибо велик Ты и чудны дела Твои: нет предела величию Твоему. Род за родом восхвалят дела Твои». Скажу вместе с Давидом: «Придите, возрадуемся Господу, воскликнем Богу и Спасителю нашему. Предстанем лицу Его со славословием»; «Славьте Его, ибо Он благ, ибо вовек милость Его», ибо «избавил нас от врагов наших», то есть от языческих идолов. И еще скажем вместе с Давидом: «Воспойте Господу песнь новую, воспойте Господу вся земля; пойте Господу, благословляйте имя Его, благовествуйте со дня на день спасение Его. Возвещайте в народах славу Его, во всех людях чудеса Его, ибо велик Господь и достоин хвален», «И величию Его нет конца». Какая радость! Не один и не два спасаются. Сказал Господь: «Радость бывает на небе и об одном покаявшемся грешнике». Здесь же не один и не два, но бесчисленное множество приступили к Богу, просвещенные святым крещением. Как сказал пророк: «Окроплю вас водой чистой, и очиститесь и от идолопоклонения вашего,

и от грехов ваших». Также и другой пророк сказал: «Кто Бог, как Ты, прощающий грехи и не вменяющий преступления? ибо хотящий того – милостив. Тот обратит и умиласердится над нами и ввергнет в пучину морскую грехи наши». Ибо апостол Павел говорит: «Братья! Все мы, крестившиеся в Иисуса Христа, в смерть Его крестились; и так мы погреблись с Ним крещением в смерть; дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни». И еще: «Древнее прошло, теперь все новое». «Ныне приблизилось к нам спасение... ночь прошла, а день приблизился». «Через Него получили мы верою доступ к благодати этой, которой хвалимся и стоим», «Ныне же, когда освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость». Вот почему должны мы служить Богу, радуясь Ему. Ибо сказал Давид: «Служите Господу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом». Мы же воскликнем к Господу Богу нашему: «Благословен Господь, который не дал нас в добычу зубам их!.. Сеть расторгнулась, и мы избавились» от обмана дьявольского. «И исчезла память их с шумом, но Господь пребывает вовек», прославляемый русскими сынами, воспеваемый в Троице, а демоны проклинаются благоверными мужами и верными женами, которые приняли крещение и покаяние в отпущение грехов, – новые люди христиане, избранные Богом.

Владимир же был просвещен сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове, Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмутаракани. И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало городов около Киева». И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними, и побеждал их.

<...>

В год 6497 (989). После этого жил Владимир в христианском законе, и задумал создать церковь пресвятой Богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсун: иконы, сосуды и кресты.

В год 6504 (996). Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился Богу, говоря так: «Господи Боже! Взгляни с неба и воззри. И посети сад свой. И свергли то, что насадила десница твоя, – новых людей этих, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, Бога истинного. Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы Богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его, ради молитвы пречистой Богородицы». И, помолившись Богу, сказал он так: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов». И уставил так, написав завет в церкви этой, сказав: «Если кто отменит это, – да будет проклят». И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал много богатства.

После этого пришли печенеги к Василеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И сошлись, и не смог устоять против них Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Василеве во имя святого Преображения, ибо было в тот день, когда произошла та сеча, Преображение Господне. Избегнув опасности, Владимир построил церковь и устроил великое празднование, наварив меду 300 мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным 300 гривен. Праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успения святой Богородицы, и здесь вновь устроил великое празд-

нование, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его – христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно. И так как любил книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; и еще: «Продайте именья ваши и раздайте нищим»; и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет, ни воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и займы дает»; слышал он и слова Соломона: «Дающий нищему дает займы Богу». Слышав все это, повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги. Устроил он и такое: сказав, что «неможные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлеба, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?». И раздавали тем все необходимое. И еще нечто большее сделал он для людей своих: каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам – и при князе и без князя. Бывало там множество мяса – говядины и дичины, – было все в изобилии. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел искать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны, и жил в мире с окрестными князьями – с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским. И были между ними мир и любовь. Владимир же жил в страхе Божиим. И сильно умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?». Он же ответил: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав». Владимир же отверг вины и начал казнить разбойников, и сказали епископы и старцы: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней». И сказал Владимир: «Пусть так». И жил Владимир по заветам отца и деда.

<...>

В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но Бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем печенег пошел походом на Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер он на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем – бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем.

То новый Константин великого Рима; как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же. Если и пребывал он прежде в скверных похотных желаниях, однако впоследствии усердствовал в покаянии, по слову апостола: «Где умножится грех, там преизобилует благодать». Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, христиане, не воздаем ему почестей, равных его деянию. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели мы усердие и молились за него Богу в день его смерти, то Бог, видя, как мы чтим его, прославил бы его: нам ведь следует молить за него

Бога, так как через него познали мы Бога. Пусть же Господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит – о царствии небесном, которого ты и хотел. Пусть увенчает тебя Господь вместе с праведниками, воздаст наслаждение пищей райской и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибнет надежда».

Память о нем чтут русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют Бога молитвами, песнями и псалмами, воспевая их Господу, новые люди, просвещенные Святым Духом, ожидая надежды нашей, великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; он придет воздать каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам.

Исторические исследования

Митрополит Макарий (Булгаков). Первоначальные пределы Русской Церкви и ее первая иерархия (История Русской Церкви. Кн. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 17–33)

Нет сомнения, что еще во дни равноапостольного князя Владимира святая вера Христова соделалась господствующею на всем пространстве тогдашней России и юная Церковь Русская считала уже чад своих во всех пределах юного Русского царства. «Он заповедал, — пишет пресвитер, впоследствии митрополит Иларион, — по всей земле своей креститься во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, чтобы открыто и громогласно славилось во всех городах имя святой Троицы и все были христианами: малые и великие, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простые, богатые и убогие. И ни один человек не противился его благочестивому повелению; крестились, если кто и не по любви, то из страха к повелевавшему, так как благоверие в нем соединено было со властью. И в одно время вся земля нагла стала славить Христа со Отцом и Святым Духом... Он обратил от заблуждения идолопоклонства не одного человека, не десять городов, но всю область свою». Точно так же и другой из ближайших к тому времени свидетелей неоднократно повторяет, что святой князь «крестил всю землю Русскую от конца и до конца... всю землю Русскую исторг из уст дьявола и привел к Богу... всю землю Русскую и все грады ее украсил святыми церквами... и всюду раскопал идольские храмы и требища, всюду сокрушил идолов». Чтобы понять возможность всего этого, заметим, что просветитель России действовал на своем поприще не два или три года, а около 28 лет, и действовал со всей апостольской ревностью, что Россия была тогда далеко не так обширна, как теперь, и не имела ни столько городов, ни тем более столько жителей, сколько имеет ныне.

Другие писатели, повторяя ту же мысль об обращении всей земли Русской еще при святом Владимире, сообщают и некоторые подробности: называют сподручников нашего равноапостола, содействовавших ему в великом деле, обозначают меры действия и дают возможность определить самые места, по крайней мере главные, где насаждена была тогда у нас вера Христова.

Окончательное просвещение России святою верою началось с матери градов русских — Киева и здесь — с семейства самого великого князя. Двенадцать малолетних сынов его были крещены в одном источнике, который доселе известен в Киеве под именем Крещатика. Вместе с ними крестились и многие бояре, которые давно уже были расположены к православно-й вере греческой, как показали они в своих ответах Владимиру при его избрании вер. Между тем великий князь дал приказание истреблять памятники язычества, дотоле господствовавшего в Киеве. Те самые истуканы, которые еще так недавно воздвиг он для всеобщего благоговейного чествования, подверглись теперь по воле его всеобщему бесчестию. Все они были ниспровергнуты со своих мест, и одни изрублены, другие преданы огню, а главнейший между ними — Перун, более всех пользовавшийся уважением язычников, будучи привязан к конскому хвосту, с крайним поруганием влеко-м был со священной высоты своей к Днепру. Здесь ввергли мнимого громовержца в шумящие волны и двенадцать нарочито приставленных воинов длинными шестами постоянно отталкивали его от берегов, пока не

проплыл он днепровских порогов. Некоторые из язычников киевских, провожая его глазами, плакали о судьбе своего поруганного бога, но это самое уничтожение и совершенное бесчестие, в каком явился он пред их взорами в первый раз, разумеется, крайне поколебали их веру в него и предрасположили их к принятию христианства. За ниспровержением идолов последовало оглашение народа евангельскою проповедью. Пастыри Церкви обходили стогны Киева, на которые собираем был народ, посещали жилища киевлян и наставляли их в главнейших истинах Евангелия, показывали язычникам суетность идолопоклонства и убеждали их к принятию спасительной веры. Не все, однако ж, оглашаемые равно изъявляли согласие переменить веру: некоторые упорствовали или колебались и отлагали [крещение] день за днем. Это-то, может быть, и расположило великого князя Владимира назначить наконец определенный день и объявить по всему городу: «Аще кто не обрящется завтра на реце, богат ли или убог, или нищ, или работен, противен мне да будет». Слова глубоко уважаемого монарха произвели полное действие. Киевляне с радостью текли к назначенному месту крещения, рассуждая между собою, что если бы не хорош был новый закон, то князь и бояре не приняли бы его, и не осталось во всем городе ни одного человека, который бы воспротивился воле князя. Наутро равноапостольный венценосец, сопровождаемый Собором пастырей, явился на берегу реки Почайны, где собралось уже бесчисленное множество народа. Тогда открылось торжественнейшее зрелище, какое редко повторяется на земле: все эти массы народа – мужи и жены, старцы, юноши и дети – по данному знаку благоговейно вступили в реку: одни по глею, другие по перси, третьи по колена, многие родители с младенцами в руках, а служители Бога вышнего, стоя на берегу, совершали над ними величайшее таинство. В сии священнейшие минуты, повторим слова благочестивого летописца, поистине радовались земля и небо толикому множеству спасаемых! Радовались крестившиеся, радовались крестившие, радовались все свидетели величественного зрелища, но более всех других возрадовался духом главнейший виновник этого торжества, который по окончании священнодействия, возведши очи свои горе, от глубины души воззвал к Богу-благодетелю своему: «Боже великий, сотворивый небо и землю! Призри на новыя люди сия и даждь им, Господи, уведети Тебе, истиннаго Бога, якоже уведеша страны хрестыянския, и утверди в них веру праву и несовратну, и мне помози, Господи, на супротивнаго врага, да надеяся на Тя и на Твою державу, побегю козни его». Вслед за тем повелел Владимир ставить в Киеве церкви там, где прежде стояли кумиры. Кто был крестителем киевлян? Преподобный Нестор упоминает при этом только о попах корсунских и царицыных, т. е. пришедших с царевною Анною из Царьграда, но современный Владимиру писатель свидетельствует, что тогда пришел в Россию именно епископ греческий и обратил к христианству самую средину страны. Польские историки прибавляют, что это был епископ Корсунский, тот самый, который крестил прежде и Владимира: дело очень возможное, хотя и неизвестно, откуда заимствовано сказание о нем. Арабский писатель Аль-Макин (1223–1302) говорит вообще, что император греческий Василий прислал ко Владимиру епископов, которые наставили в христианской вере и его самого, и весь его народ, а следовательно, и киевлян; известие тем более вероятное, что о епископах при Владимире упоминают и преподобный Нестор, и Иларион. Наконец, наши домашние свидетельства, начиная с XIII в., прямо называют главным действующим при Крещении всей России митрополита Михаила.

В Новгород для проповеди евангельской приходил сам митрополит Михаил с шестью епископами в сопровождении Добрыни, дяди Владимiroва, и Анастаса Корсунянина. Это случилось в 990 г.; значит, весь 989 г. пастыри сии занимались благовестием в других странах России, и, всего вероятнее, ближайших к Киеву. В Новгороде повторилось то же самое, что видели мы в Киеве. Сначала ниспровергнуты идолы, и главнейший из них – Перун – с крайним поруганием влачим был по земле и ввергнут в Волхов. После чего приступили к оглашению людей Евангелием, и притом не в одном только Новгороде, но и во всех его

окрестностях. Естественно думать, что для скорейшего успеха митрополит и епископы не вместе обтекали разные поселения, а порознь, имея при себе каждый по несколько священников. Следствием их благовестия было то, что многие (только многие, а не все) крестились и что «по градовом и по селом новгородскаго предела» воздвигнуты были церкви, поставлены пастыри. Окончивши святое дело, первосвятитель созвал к себе всех этих пастырей, преподавал им святительское наставление – внимать себе и всему стаду, в котором поставил их Дух Святой, и свято хранить православную веру и христианскую любовь; в заключение благословил каждого из них и со спутниками своими возвратился в Киев. Окончательно же утвердить в Новгороде святую веру суждено было Промыслом первому Новгородскому епископу Иоакиму, который, прибыв на свою паству, ниспроверг остальных идолов и целые тридцать восемь лет подвизался в деле своего пастырского служения.

После Новгорода святитель Михаил посетил (в 991 г.) со своею проповедью область Ростовскую, сопровождаемый четырьмя епископами, Добрынею и Анастасом. Ревностные благовестники крестили здесь бесчисленное множество людей, воздвигли многие церкви, рукоположили пресвитеров и диаконов, устроили клир, но не искоренили язычества. В самом Ростове, куда в следующем году поставлен был особый епископ Феодор, многие еще не принимали крещения и были столько упорны и неприязненны к архипастырю, что он, изнемогши в борьбе с их злобою, нашелся вынужденным покинуть Ростов и скончался, вероятно, в Суздале, где доселе почивают его святые мощи. Преемник Феодора Иларион, прибывший из Константинополя, также после напрасных усилий покорить упорных вере оставил кафедру и возвратился в отечество. С некоторой вероятностью можно допустить, что в это же время явился в Ростове с проповедью святой Авраамий Ростовский. В житии его, которое встречается в разных списках, ясно говорится, что он действовал в Ростове во дни ростовского князя Бориса, когда в Ростове были еще какие-то низшие князи, как бывало и в других городах при начале Русского государства; действовал при первом Ростовском епископе Феодоре и преемнике его Иларионе и имел сношение с самим равноапостольным князем Владимиром; говорится также, что когда Авраамий поселился близ Ростова, там еще целый конец Чудский поклонялся каменному идолу Белеса, и что преподобный с помощью явившегося ему Иоанна Богослова сокрушил этого идола, и хотя много потерпел от неверных, но своими молитвами, наставлениями, терпением и благоразумием мало-помалу привлек всех их ко Христу от мала до велика. Правда, в настоящем житии Авраамия встречаются значительные несообразности, которые и расположили некоторых относить время подвигов его то к 1-й, то даже ко 2-й половине XII в.: представляется, например, будто во дни Авраамия Ростов был уже Владимирскою областью, будто Авраамий, оклеветанный пред великим князем Владимиром, имел с ним сношение во Владимире на Клязьме; будто когда Авраамий оправдался, святой князь устроил монастырь его своим монастырем, сделав его высшим всех обителей ростовских, даровал ему многие имения, и будто Авраамий за труды свои удостоился получить имя архимандрита, которое становится известным в наглей Церкви не прежде XII в. Но нетрудно понять, как могли вкрасться в житие Авраамия все такие несообразности. Оно составлено, судя по содержанию его, отнюдь не прежде, как после прославления преподобного, т. е. после открытия мощей его, которое последовало уже во дни великого князя владимирского Всеволода Юрьевича, внука Мономахова (1176–1212). Удивительно ли, если чрез два столетия или даже и более составитель жития, не довольно образованный, имея под руками, может быть, самые краткие письменные известия о святом Авраамии и руководствуясь преимущественно устными о нем преданиями, смешал различие времен и вообразил по простоте своей, что город Владимир Кляземский, который в XIII в. был уже действительно столицею великих князей и заключал в своей области Ростов, имел такое же значение и во дни святого Владимира и что Авраамиев монастырь, считавшийся уже в XIII в. высшим всех ростовских обителей и архимандриею, сделался

таким монастырем еще при самом Авраамии? Примеры подобного смешения времен у нас очень известны: летописцы, жившие при архиепископах Новгородских, называли архиепископами и самых первых епископов Новгородских. Что касается, в частности, до наименования Авраамия архимандритом, нет ничего невозможного, чтобы он возведен был в этот сан епископом Иларионом. Пусть будет правда, что в нашей отечественной Церкви до XII в. имя архимандрита не употреблялось, хотя преподобный Нестор в житии преподобного Феодосия Печерского, по некоторым спискам, и называет его этим именем; оно, несомненно, употреблялось в Церкви Греческой, а Иларион был грек. Прибавим общее замечание: если в известном ныне житии преподобного Авраамия Ростовского встречаются двоякого рода показания, из которых по одним, совершенно ясным, он действовал в царствование святого Владимира и сына его Бориса, при первых Ростовских епископах Феодоре и Иларионе, а по другим, только по умозаключению, должен быть относим уже к XII столетию, то почему же отдадим предпочтение не первым показаниям, но последним, когда эти последние легко могли вкрасться в житие по простоте и малообразованности сочинителя? Впрочем, считая только более вероятным, а отнюдь не несомненным, что Авраамий жил при самом начале у нас христианства, мы должны допустить, что или он обратился к святой вере не всех жителей Ростова, или многие из них вскоре снова впали в язычество, потому что, как увидим, во второй половине XI в. третьему Ростовскому епископу Леонтию пришлось еще много бороться здесь с закоренелыми язычниками.

Одновременно с Ростовскою областью услышала проповедь Евангелия и страна Суздальская, входившая тогда в состав области Ростовской. Обитателям этой страны принес слово спасения сам равноапостольный князь Владимир, сопровождаемый двумя епископами, и имел радость видеть, что все они, подобно киевлянам, охотно принимали из уст его благовестив и крестились. Восхищенный успехом, святой князь, прибавляют поздние летописцы, в память своего пребывания здесь заложил на берегу Клязьмы город, назвал его по имени своему Владимиром и построил в нем деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы. Это случилось в 990 или 992 г. В подтверждение того, что святой Владимир точно посетил землю Суздальскую по делам веры, указывают некоторые памятники пребывания его здесь, сохранившиеся до позднейшего времени. А сказание о заложении им города Владимира на Клязьме, следовательно, и о построении им Успенской церкви во Владимире, признается ныне несправедливым, хотя, быть может, без достаточных оснований.

Можно думать, что святая вера насаждена еще при святом Владимире во всех тех городах и областях, которые он роздал детям своим в уделы, и следовательно, кроме Новгорода и Ростова, в Полоцке, Турове, земле древлянской, Владимире Волынском, Смоленске, Пскове, Луцке, Тмутаракани и в пределах муромских. Это разделение России на уделы, от чего бы оно не зависело, по замечанию некоторых летописей, было вместе мерою христианского благоразумия: равноапостольный князь, отправляя детей своих под руководством мудрых пестунов в разные области государства, завещал каждому из них заботиться об искоренении там язычества и утверждении христианства. И князья-христиане необходимо должны были иметь при себе христианских пастырей и соорудить для себя храмы, каждый в своей резиденции. А достигнув лет зрелых, могли удобнее наблюдать за ходом евангельской проповеди в своих небольших уделах, сильнее действовать на язычников собственным примером и, кроме ревности по вере, стараться о просвещении ею своих подданных уже и потому, чтобы теснее с ними сблизиться. Исторические предания действительно и подтверждают, что святой Борис содействовал утверждению христианства в Ростове, Мстислав – в Тмутаракани, Судислав – в Пскове, Изяслав – в Полоцке и что святой Глеб, как только прибыл в назначенный ему удел, несколько раз пытался просветить муромцев святою верою, хотя без успеха, а потому и поселился вне Муромы, где прожил два года.

Сохранилось несомненное свидетельство о насаждении тогда святой веры в Курске и его окрестностях. Древнейший нагл летописец повествует в житии преподобного Феодосия Печерского, что по переселении родителей его из Василева в Курск (в 1-й половине XI в.) Феодосий, еще будучи отроком, «хождаше в церковь Божию по вся дни» и вскоре «нача печи просфоры и продаяти», чем и занимался более двух лет. Потом, когда мать благочестивого отрока хотела отклонить его от любимого занятия, он тайно «иде во ин град недалече сущи, и обита у прозвутера, и делае по обычаю дело свое». Отысканный матерью и возвращенный в Курск, снова начал во все дни ходить в церковь Божию и своим смирением и покорностью заслужил любовь властелина града, так что этот властелин «повеле ему, яко да пребывает у его церкви». Значит, христианство уже существовало тогда и в Курске, и в его пределах, а в самом Курске была даже не одна церковь: правитель города имел для себя свою особую.

Апостольская ревность просветителя России простиралась и на новые города, которые основал он по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Суле и Стугне. Населяя эти города новгородскими славянами, кривичами, чудью, вотяками, святой князь старался утвердить между ними христианство.

О других каких-либо городах и областях русских, где распространилась тогда святая вера, подробных сведений не сохранилось. Но можем ли сомневаться, чтобы в продолжение многолетней деятельности нашего равноапостола осталось хотя одно место в России, куда бы не проникала евангельская проповедь, когда известно, что он посылал проповедника даже к болгарам волжским и обратил ко Христу некоторых из них, а также четырех князей их, принявших крещение в Киеве, что он старался насадить христианство даже в глубине севера, в Биармии, на берегах Двины? Можем ли сомневаться, когда те же летописи уверяют нас, что святой Владимир повелел приводить на крещение людей по всем градам и селам и что первосвятитель Михаил, предпринимавший путешествие с другими святителями сперва в Новгород, потом Ростов, в то же время обтекал с проповедью и всю землю Русскую? Только об одних муромцах известно с некоторой вероятностью, что они вовсе не приняли тогда христианства, но это было их дело, а святой Борис неоднократно пытался просветить упорных. Указывают еще на вятичей, которые даже во дни преподобного Нестора держались некоторых обычаев языческих. Но вятичи в царствование святого Владимира еще не входили совершенно в состав Русской державы: они только платили дань нашим князьям, а в течение всего XI в. продолжали управляться собственными князьями. Это и могло служить препятствием для русского духовенства к распространению между ними христианской веры. С другой стороны, из слов летописца строго не следует, будто вятичи все, даже в его время, оставались совершенными язычниками и им дотоле не было возвещено Евангелие, потому что и приняв святую веру, многие из них по грубости могли сохранять древние свои суеверия, как нередко поступали и другие новообращенные христиане. Равным образом и выражение святого Симона, епископа Владимирского, что преподобный Кукша «вятичи крести» уже в XII в., не значит того, будто Кукша крестил тогда всех вятичей и прежде между ними вовсе не было христиан. Нет, можем справедливо повторять слова пресвитера Илариона, что в России еще при святом Владимире «труба апостольская и гром евангельский огласили все города и вся земля наша в одно время стала славить Христа со Отцом и Святым Духом».

Сыну и преемнику Владимира Ярославу оставалось только утвердить и докончить то, что начато было отцом. Ярослав так действительно и поступал, и на дела его так смотрели сами современники. «Весьма добрым и верным свидетелем твоего благоверия, – говорит пресвитер Иларион, обращаясь к равноапостольному князю, – служит сын твой Георгий (Ярослав), которого сотворил Господь преемником по тебе на престоле: он не нарушает твоих уставов, но утверждает; не уменьшает учреждений твоего благоверия, но еще распространяет; не искажает, но приводит в порядок; он недоконченное тобою окончил, как Соломон предприятия Давидовы». В чем же состояла деятельность Ярослава на пользу Церкви,

объясняет преподобный Нестор: тогда как святой Владимир главным образом заботился о распространении во всех пределах своей веры Христовой, Ярослав преимущественно занимался тем, чтобы увеличивать везде число храмов, умножать пресвитеров и клир, устроить монастыри, распространять книги и просвещение. Вследствие этих-то мер и начала при нем вера христианская, по выражению летописца, плодиться и расширяться, и умножились христианские люди.

Впрочем, чтобы правильнее понимать повсеместное распространение христианства в России еще во дни святого Владимира и Ярослава, необходимо сделать некоторые замечания.

Святая вера действительно распространилась тогда у нас везде, но везде почти оставалось еще и язычество, только в одних местах более, в других менее, как видно из представленных примеров. В России, можно сказать, повторялось тогда то же, что в большем размере было в пределах Римской империи, когда император Константин Великий объявил христианскую веру господствующею в своем государстве. С тех пор христианство сделалось торжествующим во всей Римской вселенной и не раз издаваемы были указы истреблять остатки язычества, и, однако ж, не только в IV, но и в V, даже в VI в. оставались еще по местам язычники, которые имели собственные храмы и открыто отправляли свои празднества. Явление совершенно естественное и неизбежное: невозможно, чтобы в каком-либо народе вдруг могли искорениться религиозные верования, которые существовали, может быть, целые века и тысячелетия, чтобы все люди легко отказались от тех сердечных убеждений, которые воссали они с млеком матерним, на которые привыкли смотреть, как на самые священные и драгоценные. Было это явление повсюду при введении христианской веры; неудивительно, если оно повторилось и у нас.

Если обратим внимание на места, где распространилась тогда святая вера в нашем отечестве, то должны будем сказать, что она распространилась более на юге России, чем на северо-востоке. И это очень естественно. На юге у нас издавна были более знакомы с христианством, нежели на севере: там происходили постоянные сношения с христианской Грецией и с греческими поселениями на берегах Черного моря; в Киеве еще во дни Аскольда и Дира многие жители сами приняли святую веру, а при Игоре была уже соборная церковь святого Илии; в Киеве постоянно жила и действовала равноапостольная княгиня Ольга, тогда как другие места своего государства, особенно дальние, посещала только на время. И во дни святого Владимира Киев был средоточием государственной жизни, а юг – главным поприщем ее развития, откуда уже она разливалась в прочие страны России. Сам равноапостол жил и действовал преимущественно здесь, и власть его была здесь гораздо сильнее и обязательнее для жителей, нежели, например, в стране вятичей, плативших ему дань, но имевших собственного князя, а тем более в других, более отдаленных областях к востоку и северу. К этому присоединилось еще одно важное обстоятельство: на юге России жители были почти исключительно славяне, на северо-востоке – многие неславяне. Первым легко было передать евангельскую проповедь, потому что давно уже существовало на славянском языке слово Божие и совершалось богослужение, и многие из славян болгарских, с детства воспитанных в вере Христовой, могли явиться здесь лучшими ее проповедниками. Но народы неславянского племени, обитавшие на северо-востоке России, каковы: весь – в Ростове, мурома – в Муроме, трудно было наставить в истинах христианства: кто мог найтись для них проповедником? А между тем на язык их не были переведены ни книги Святого Писания, ни книги богослужебные.

Не все, принявшие тогда у нас святую веру, приняли ее по любви, некоторые – только по страху к повелевшему (т. е. великому князю Владимиру), как свидетельствует Иларион; не все крестились охотно, некоторые – неохотно. Впрочем, какого-либо упорного сопротивления евангельской проповеди, за исключением только двух городов: частично Ростова и

особенно Мурома, у нас тогда не было. Тем более не было и не могло быть открытых гонений на христиан, какие происходили в пределах Римской империи в три первые века и повторились во многих других странах мира при первоначальном насаждении христианства. Ибо у нас сам великий князь и все окружающие его действовали в пользу святой веры и вооружаться на христиан значило восставать против правительства.

Не все обращавшиеся тогда у нас ко Христу понимали важность той перемены, на которую решались; не все понимали достоинство новой веры. Напротив, весьма многие этого не понимали и крестились, как известно из примера киевлян, только потому, что велено было креститься, потому что сам великий князь и бояре его еще прежде крестились... И это явление совершенно неизбежно при обращении к христианской вере целых народов, особенно находящихся на низшей степени образования. Так случалось прежде, так случается и ныне при обращении дикарей американских и многих язычников и магометан в пределах нашего отечества. Оттого неудивительно, если многие крестившиеся у нас во дни святого Владимира носили, может быть, только имя христиан, а в душе оставались язычниками, исполняли внешние обряды святой Церкви, но сохраняли вместе суеверия и обычаи своих отцов. Неудивительно, если некоторые из подобных христиан могли с течением времени по каким-либо обстоятельствам даже вовсе отпасть от Церкви, снова сделаться язычниками, как мы заметили уже касательно жителей Ростова. Только мало-помалу при распространении истинного просвещения между этими новообратившимися христианами могли искореняться в них языческие суеверия и утверждаться верования христианские.

Теперь от паствы обратимся к пастырям, или иерархии. Надобно сознаться, что история наглей первой иерархии довольно темна и неопределенна. Показания летописей и других исторических памятников в настоящем случае возбуждают только разные недоумения и вопросы.

Самый главный из этих вопросов состоит в следующем: с какого времени явились у нас митрополиты? Со времени ли обращения к христианству Владимира и Крещения всей земли Русской, или уже во дни Ярослава? Древнейший наш летописец не упоминает о митрополитах русских до времен Ярослава и в первый раз говорит о митрополите Феопемпте под 1039 г. Из последующих летописей и памятников истории одни выражаются, что Ярослав митрополию устроил, и даже начинают ряд митрополитов русских с Феопемпта, а другие, напротив, свидетельствуют, что митрополит поставлен для России еще в 988 г., сразу после Крещения России при Владимире, и передают самые имена наших первых митрополитов: Михаила, Леонтия и Иоанна, бывших до Феопемпта. Несмотря, однако ж, на различие всех этих показаний, ныне не может более подлежать сомнению, что митрополиты явились у нас еще при святом Владимире, с самого основания отечественной Церкви. Это подтверждается свидетельствами не только XV, но и XIII, и даже XI в., и притом свидетельствами как отечественными, так и иностранными. Мних Иаков, писавший прежде Нестора, замечает о святом Владимире, что он светло праздновал праздники Господские и поставлял в эти дни три трапезы: первую – митрополиту и епископам с прочим духовенством, вторую – нищим и убогим, третью – себе и боярам своим. Дитмар, современник Владимиров, повествует, что когда Болеслав, король польский, овладел в 1018 г. Киевом, этого победителя торжественно встречал здесь Киевский архиепископ: имя, которым действительно, как скоро увидим, назывались тогда у нас митрополиты. В частности, о Михаиле как первом Киевском митрополите упоминает церковный устав Владимиров в списке XIII в.; о митрополите Леонтии свидетельствуют его собственное сочинение, сохранившееся в списке XIII–XIV вв., а также церковный устав Владимиров в списке XIII в.; наконец, о митрополите Иоанне ясно говорят под 1020 г. сам преподобный Нестор в житии Бориса и Глеба и другой, более древний, сочинитель такого же жития святых мучеников – мних Иаков. Из этих-то двух житий и узнаем, что митрополит нагл безразлично назывался и митрополитом, и архиепископом.

Что же касается до молчания преподобного Нестора о трех первых наших митрополитах, это молчание ничего не доказывает. Он умолчал и о других лицах и событиях, которые, однако ж, несомненно были. Притом Нестор упоминает во дни великого князя Владимира о епископах, которые, собравшись однажды, предлагали ему совет казнить злодеев, а под именем епископов в подобном случае Нестор разумел иногда не одних епископов в строгом смысле, но вместе с ними и митрополита. Что касается до выражения некоторых летописей: «Ярослав митрополию устави», оно вовсе не значит, будто Ярослав установил, основал в Русской Церкви митрополию, дотоле не существовавшую. Это выражение употребили Софийский временник и третья Новгородская летопись под 1037 г., а между тем еще при введении в Россию христианства сказали о русском митрополите Леонтии; употребил также составитель Никоновой летописи под тем же годом, сказавши гораздо прежде о всех митрополитах, бывших со времени основания Русской Церкви, т. е. Михаиле, Леонтии и Иоанне. Слово «митрополия» у летописцев означает в настоящем случае митрополитскую кафедральную церковь святой Софии и при ней митрополитский дом, а слово «устави» значит «заложил, основал», как видно из слов древнейшего нашего летописца об этом самом событии. Если, наконец, в одной из летописей и в одном каталоге наших митрополитов ряд их начинается с Феопемпта, то очень понятно почему. Составители каталога и летописи, верно, основывались только на показаниях преподобного Нестора, а он не упоминает ни об одном русском митрополите до Феопемпта.

Новое недоумение то, кто был первым нашим митрополитом: Михаил или Леонтий? Одни летописи и памятники истории называют первым Михаила, другие – Леонтия, а о Михаиле или совсем не упоминают, или даже ставят его вторым. Если смотреть на эти свидетельства, как на свидетельства противоречащие и исключаящие себя взаимно, и судить о достоинстве их по их относительной древности, то предложенного вопроса решить нельзя, потому что и о Михаиле как первом русском митрополите древнейшее сказание относится к XIII в., и о Леонтии – к тому же самому веку. Но дело в том, что означенные свидетельства вовсе нет нужды считать исключаящими себя взаимно: их удобно примирить. Справедливы и те, которые называют первым русским митрополитом Михаила, потому что он был первый в ряду главных иерархов, прибывших к нам из Греции еще при святом Владимире, и как епископ Киева, митрополии (матери градов) русской, мог носить имя митрополита, хотя властью митрополита не пользовался, ибо подчиненных ему епископий в России еще не существовало. Справедливы и другие, называющие первым русским митрополитом Леонтия, потому что он первый разделил Русскую Церковь на епархии и таким образом явился в ней первым митрополитом по власти. Показание же одной росписи русских первосвятителей, упоминающей сначала о Леонтии как о первом митрополите, а потом уже о Михаиле и относящейся к концу XV или началу XVI в., не заслуживает внимания, потому что эта роспись вообще не отличается ни хронологическою точностию, ни полнотою, ни достоверностию: одних митрополитов ставит прежде их предшественников, других вовсе опускает, третьих, чужих или неизвестных, присовокупляет к несомненно русским. Должно присовокупить, что наиболее точные сведения о митрополите Михаиле могли сохраниться в Киеве, где он и преимущественно действовал, и скончался. А потому мы должны уважить свидетельство церковных синодиков киевских, которые, хотя дошли до нас в поздних списках, но, без всякого сомнения, были преемственно списываемы с древнейших и все до одного начинают ряд наших митрополитов именем Михаила, иногда называя его первоначальным. Тем более должны уважить предание Киево-Печерской лавры, что известные, покоящиеся в главном храме ее святые мощи, суть мощи первого митрополита Киевского Михаила. Предание это могло сохраниться в продолжение веков даже устно между благочестивыми иноками знаменитой обители, а еще удобнее – в той надписи, которая, по всей вероятности, от лет древних постоянно находилась над ракою святителя для отличия ее от всех прочих. Из

этой-то надписи узнаем, что первосвятитель скончался в 992 г. и погребен был в Десятинной церкви; потом около 1103 г., при печерском игумене Феоктисте мощи его, обретенные нетленными, перенесены в Антониеву пещеру, а отсюда уже в 1730 г. по высочайшему указу перенесены в главную церковь Киевской лавры.

Третий вопрос – о лице того Константинопольского патриарха, от которого рукоположены были в Россию первые два митрополита, начавшие собою ряд наших первосвятителей. Известно, что некоторые списки церковного устава Владимирова и почти все наши летописи, какие только упоминают об этих митрополитах, приводят их к нам от патриарха Фотия, тогда как Фотий скончался за целое столетие до крещения великого князя Владимира. Как смотреть на такое показание? Есть мнение, будто Фотий принимается в настоящем случае как лицо типическое: Фотий был первым и самым жарким защитником православия Церкви против нововведений христианского Запада и в то же время удержал в православии юную Церковь Болгарскую, вытеснив из Болгарии епископов папы. А потому имя Фотия в IX, X и XI вв. сделалось на Востоке, и особенно между славянами, как бы нарицательным для означения того духовенства, которое строго последовало Фотию в деле веры. И, значит, когда летописи наши говорят, что святой Владимир принял первого митрополита для России от патриарха Фотия, они выражают этим только то, что нагл князь принял из Греции митрополита православного от такого патриарха или из среды того духовенства, которые твердо держались мыслей Фотия, знаменитого защитника православия, и продолжали сопротивляться всем незаконным нововведениям Римской Церкви. Но это мнение совершенно произвольно. При самом поверхностном чтении рассказа наших летописей, особенно Никоновой, о прибытии к нам первых митрополитов от патриарха Фотия, легко убедиться, что имя Фотия они принимают не как имя нарицательное, а как имя собственное. И, если бы точно летописцы наши принимали это имя за нарицательное, если бы, употребляя его, они хотели только сказать, что первые митрополиты прибыли к нам от патриарха православного, в таком случае им надлежало бы не Михаила только или Леонтия, но и всех последующих митрополитов наших считать присланными от того же патриарха Фотия, чему, однако ж, видим противное. Притом мысль о прибытии к нам при святом Владимире первого митрополита от патриарха Фотия встречается, по нашим памятникам, не в XI и даже не в XII в., когда, по изложенному предположению, имя этого патриарха считалось на Востоке как бы нарицательным для православных пастырей, а в первый раз к концу XIII в. и потом уже в XV и XVI столетиях. Нет, сознаемся, что имя Фотия внесено здесь в наши летописи по одной ошибке, без всякого намерения. И ошибка эта самым незаметным образом могла произойти от того, что кто-нибудь смешал по неосмотрительности два крещения россиян: первое, бывшее во дни Аскольда и Дира (866), когда точно прислан был к нам епископ, а может быть, и архиепископ или митрополит от Константинопольского патриарха Фотия, и другое крещение, последовавшее при Владимире (988), когда также прислан к нам митрополит от Константинопольского патриарха, только не Фотия. А довольно было допустить эту ошибку одному писателю XIII или XII вв., чтобы потом ее повторили все составители наших летописей последующего времени, переписывавшие обыкновенно целиком прежние известия и не принимавшие на себя труда проверять их по другим источникам. Ныне можно уже безошибочно утверждать, что отнюдь не Фотий патриарх, как ни достопочтенно для нас его имя, а патриарх Николай Хрисоверг был основателем наглей иерархии во дни равноапостольного князя Владимира и прислал к нам первых двух митрополитов – Михаила и за ним Леонтия.

Где находилась кафедра первых наших митрополитов? Некоторые летописи и списки церковного устава Владимирова ясно выражаются, что святой князь принял из Царьграда митрополита Киеву, между тем второй наш митрополит Леонтий назван в надписи его сочинения митрополитом Переяславля Русского и сам преподобный Нестор под 1089 г. замечает, что действительно «бе прежде в Переяславли митрополю». Что же это значит? Всего веро-

ятнее, дело было так: митрополиты наши как главные иерархи Русской Церкви естественно предназначались для столицы (митрополии) Русского царства и присылаемы были из Царьграда в Киев. Но так как с самого начала не нашлось им в Киеве приличного помещения, а в Переяславле неподалеку от Киева (в 82 верстах) существовал уже готовый дом и, может быть, весьма удобный для такой цели, то великий князь и отдал им этот дом для жительства. Оттого, по словам Никоновой летописи, «живяху множае тамо (в Переяславле) митрополиты Киевские и всея России, и епископы поставляху тамо», посещая, разумеется, Киев всякий раз, что по близости [оного] было весьма легко, как только требовали обязанности архипастырского служения. И это продолжалось до тех пор, пока великий князь Ярослав не построил в Киеве Софийского кафедрального собора и при нем митрополитского дома, куда и переселились наши первосвятители. В сем-то смысле Ярослав действительно, как выражаются некоторые летописи, митрополию устави, т. е. уставил в Киеве, тогда как прежде она находилась в Переяславле.

На сколько епархий разделена была Церковь Русская с самого начала? Обыкновенно отвечают: на шесть – и ссылаются на свидетельство Никоновой летописи и Степенной книги, что не совсем справедливо. Обе эти летописи действительно говорят, что в 992 г. второй митрополит Киевский Леонтий поставил епископов прежде всего в Новгород, потом в Чернигов, Ростов, Владимир на Волыни, наконец в Белгород, находившийся близ Киева, и, следовательно, насчитывают по имени со включением Киевской точно шесть епархий, но непосредственно же присовокупляют, что вместе с тем митрополит Леонтий «и по иным многим градом епископы постави». На каком же основании мы будем принимать одну половину свидетельства и отвергать другую? Скажем ли, что первая половина свидетельства этих поздних летописей подтверждается летописью древнейшею, а последняя нет? Но мы знаем, что они обе равно не подтверждаются древнею летописью. Или сошлемся на то, что имена епископов не названных здесь епархий вовсе нам не известны, а названных известны? Но по древней летописи так же неизвестны имена епископов и этих последних епархий, за исключением Новгородской. Если так и мы, однако ж, решаемся довольствоваться в своих известиях о первых наших епархиях показаниями одних поздних летописей, Никоновой и Степенной, то по справедливости мы должны принимать эти показания сполна и, следовательно, обязаны согласиться, что не в шести только поименованных, но и в некоторых других городах основаны тогда у нас епархии. В каких же именно? Автор Степенной книги отчасти объясняет это дело. Он говорит, что разделение Русской Церкви на епархии происходило совместно с разделением Русского государства между сынами Владимира, рассказывает, что равноапостольный князь «совещал предварительно благий совет с митрополитом Леонтием, еже бы разделить ему землю Русскую в наследие сыновом своим и устроить во градах епископы во исполнение благочестия», и что потом, посылая каждого из сынов своих в назначенный ему удел, заповедал им более всего заботиться об утверждении христианской веры и в этом деле «советовати со епископы». Итак, не в каждом ли уделе у нас открыта была тогда епархия? По крайней мере, о трех уделах: Новгороде, Ростове и Владимире Волынском, как мы видели, ясно говорится, что в них учреждены епископские кафедры. Касательно трех других уделов: Тмутаракани, Полоцка и Турова – можем заключать то же самое с вероятностью, ибо в Тмутаракани упоминается как уже существующая епархия в последней четверти XI в., в Полоцке – в 1105 г., в Турове – в 1114 г. и, вероятно, даже в начале XI в. при самом великом князе Владимире. Да и возможно ли допустить, чтобы такие князья, каковы, например, Мстислав тмутараканский, Изяслав и потом Брячислав полоцкие, не имели в своих резиденциях епископов, когда какой-нибудь Белгород и Чернигов имели их?.. В остальных уделах предполагавшиеся епископские кафедры могли не утвердиться по разным обстоятельствам: в одних – вследствие сопротивления жителей принять христианство, как в Муроме; в других – вследствие соединения известного удела в церковном отношении с соседствен-

ным, как Пскова с Новгородом; в третьих – вследствие вскоре последовавшей кончины князей и уничтожения самых уделов, как в Смоленске, Луцке и земле древлянской. С другой стороны, если обратим внимание и на географическое положение известных нам по имени епархий, открытых при святом Владимире, то опять придем к мысли, что тогда, наверно, основаны были и другие епархии, по крайней мере во дни Ярослава, который действительно повсюду умножал духовенство, стараясь, чтобы в земле Русской более и более святая вера умножалась и расширялась. Вокруг Киева на небольшом пространстве видим четыре епархии: Киевскую, Черниговскую, Белгородскую и Владимирскую на Волыни, а на всем севере России одну – Новгородскую, на всем востоке – тоже одну – Ростовскую и в такой обширной стране, какова Русь Червонная, или Галицкая, не видим даже ни одной. Вероятно ли это? Скажем ли, что вблизи Киева основано столько епархий с целью особенною, именно с тою, чтобы епископам их удобнее было собираться в Киев по воле митрополита или великого князя? Могло быть. Но если для подобной цели учреждено тогда у нас на известном пространстве более епархий, нежели сколько требовалось, то могли ли не учредить их для цели более важной и существенной: для того, чтобы не оставить целой какой-либо страны, только что просвещенной верою, без верховного пастыря? Потому естественно согласиться с преданием, что если не во дни Владимира, то во дни Ярослава основаны были и в Руси Червонной две епархии: Галицкая и Перемышльская, хотя известия о них наши летописи не сообщают. Правда, все сказанное нами не более, как одни догадки, но догадки, не чуждые оснований, и то по крайней мере достоверно, что не в шести только прямо названных летописями, но и в других городах поставлены были у нас вначале епископы.

Что касается, наконец, собственно до лиц наших первых иерархов, то сведения об них самые скудные. Из митрополитов Михаил священноначальствовал в Русской Церкви четыре года, хотя при нем она только что устроилась (988–992); Леонтий – шестнадцать лет (992–1008); Иоанн – двадцать восемь (1008–1035); Феопемпт – около пятнадцати (1035–1049). Первый был родом сирианин, а по другим [сведениям] – грек, отличался мудростью и высоким благочестием; второй – грек и также пастырь образованный и мудрый, как показывает его сочинение, написанное по-гречески; о третьем и четвертом ничего не известно из летописей, хотя и выдаются они обыкновенно за греков. Михаил и Леонтий присланы были к нам, судя по современности, от Константинопольского патриарха Николая Хрисоверга; Иоанн – от патриарха Сергия; Феопемпт – от патриарха Алексия Студита. Из числа епископов наших того времени немногие известны даже по имени. Новгородские известны оба: Иоаким Корсунянин (992–1030) и Лука Жидята (1035–1059); из Ростовских – только два: Феодор (поставленный в 992 г.) и Иларион, бывший его преемником еще при святом Владимире и вскоре оставивший свою паству; из Черниговских – только один: Неофит (992); из Владимирских на Волыни – также один: Стефан (992), и из Белгородских – один: Никита (992). Кто были родом все эти архипастыри? О первых епископах, присланных к нам при святом Владимире, в так называемой Иоакимовской летописи замечено, будто они были из славян болгарских – дело очень возможное! Прислать к нам таких епископов для первоначального насаждения веры требовало христианское благоразумие; найти для этого способных людей между болгарам было нетрудно, потому что в Болгарии значительно процветали уже тогда и христианская вера, и христианское просвещение. Но признать за достоверное сказание летописи сомнительной не можем. Ростовский епископ Иларион избран был из цариградского клира и вскоре возвратился в Царьград, следовательно, по всей вероятности, был грек. Новгородский Лука Жидята – вот первый русский, удостоившийся святительского сана по воле великого князя Ярослава!

Прочие духовные: священники, диаконы и причетники – были у нас с самого начала из греков и, вероятно, из болгар, и одни назывались царицыными, потому что пришли с царевною Анною из Греции, другие – корсунскими, как прибывшие из Корсуны. Но чрез

несколько лет, без сомнения, начали появляться на этих церковных степенях и русские: особенно умножились пресвитеры и попы при великом князе Ярославе. При некоторых церквях было по несколько священников под настоятельством старейшего: Десятинную церковь, бывшую сначала самою главною в Киеве, святой Владимир поручил Анастасу Корсунянину, который называется иногда в летописях протоиереем, и «попы корсунские пристави служить в ней». В Вышгороде при деревянной церкви святых мучеников Бориса и Глеба митрополит Иоанн «постави попы и диаконы» и, повелев им ежедневно совершать все церковные службы, «постави им старейшину». Даже в селе Берестове при церкви святых апостолов были «попы многи» и между ними пресвитер (старейший) Иларион. При вышгородской церкви во имя святого Василия, где первоначально погребен был святой мученик Борис, упоминается пономарь, по оплошности которого она и сгорела.

Н. И. Костомаров. Князь Владимир Святой (Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Наука, 1991. С. 5–8)

Нагла история о временах, предшествовавших принятию христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать несомненной достоверности. Этому причиной то, что наши первые летописцы писали не раньше второй половины XI в. и о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X веках, за исключением немногих письменных греческих известий, не имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые, по своему свойству, подвергались вымыслам и изменениям. С достоверностью можно сказать, что, подобно всем северным европейским народам, и русский только с христианством получил действительные и прочные основы для дальнейшей выработки гражданской и государственной жизни, основы, без которых, собственно, для народа нет истории.

С давних времен восточная половина нынешней Европейской России была населена народами племени чудского и тюркского, а в западной половине, кроме народов литовского и чудского племени, примыкавших своими поселениями к балтийскому побережью, жили славяне под разными местными названиями, держась берегов рек: Западной Двины, Волхова, Днепра, Припяти, Сожи, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днестра, Сулы, Десны, Оки с их притоками. Они жили небольшими общинами, которые имели свое средоточие в городах – укрепленных пунктах защиты, народных собраний и управления. Никаких установлений, связующих между собой племена, не было. Признаков государственной жизни мы не замечаем. Славяно-русские племена управлялись своими князьками, вели между собой мелкие войны и не в состоянии были охранять себя взаимно и общими силами против иноплеменников, а потому часто были покоряемы.

Религия их состояла в обоживании природы, в признании мыслящей человеческой силы за предметами и явлениями внешней природы, в поклонении солнцу, небу, воде, земле, ветру, деревьям, птицам, камням и т. п. и в разных баснях, верованиях, празднествах и обрядах, создаваемых и учреждаемых на основании этого обоживания природы. Их религиозные представления отчасти выражались в форме идолов, но у них не было ни храмов, ни жрецов; а потому их религия не могла иметь признаков повсеместности и неизменяемости. У них были неясные представления о существовании человека после смерти; замогильный мир представлялся их воображению продолжением настоящей жизни, так что в том мире, как и в здешнем, предполагались одни рабами, другие господами. Они чествовали умерших прародителей, считали их покровителями и приносили им жертвы. Верили они также в волшебство, т. е. в знание тайной силы вещей, и питали большое уважение к волхвам и волхвицам, которых считали обладателями такого знания; с этим связывалось множество суеверных приемов, как-то: гаданий, шептаний, завязывания узлов и тому подобного. В особенности была велика вера в тайное могущество слова, и такая вера выражалась во множестве заговоров, уцелевших до сих пор у народа.

Сообразно такому духовному развитию было состояние их житейской умелости. Они умели строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать ладьи и рыболовные снасти, возделывать землю, разводить домашних животных, прясть, ткать, шить, готовить кушанья и напитки – пиво, мед, брагу, – ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты; на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами. Все познания их переходили от поколения к поколению, подвигаясь вперед очень медленно, но сношения с Византийской Империей и отчасти

с арабским Востоком мало-помалу оказывали на русских славян образовательное влияние. Из Византии заходило к ним христианство. В половине IX века русские, после неудачного похода на Византию, когда буря истребила их суда, приняли крещение, но вслед за тем язычество опять взяло верх в стране; однако и после того многие из русских служили на службе византийских императоров в Греции, принимали там христианство и приносили его в свое отечество. В половине X века киевская княгиня Ольга приняла Святое Крещение. Все это, однако, были только предуготовительные явления.

При князьях так называемого Рюрикова дома господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и, до некоторой степени подчиняя их себе, объединяли; но их власть имела не государственные, а наезднические или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиною, шайкою удалцов, жадных к грабежу и убийствам, составляли из охотников разных племен рать и делали набеги на соседей – на области Византийской Империи, на восточные страны прикаспийские и закавказские. Цель их была приобретение добычи. С тем же взглядом они относились и к подчиненным народам: последние присуждались платить дань; и чем более можно было с них брать, тем более брали; за эту дань бравшие ее не принимали на себя никаких обязательств оказывать какую-нибудь выгоду со своей стороны подданным. С другой стороны, князья и их дружинники, имея в виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь в жизнь плативших дань, ломать их обычаев и оставляли с их внутренним строем, лишь бы только они давали дани и поборы.

Такой варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которой из Византии – самой образованной в те времена державы – перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу.

Этот переворот совершен Владимиром, получившим наименование Святого, человеком великим по своему времени. К сожалению, жизнь его нам мало известна в подробностях, и летописи, сообщающие его историю, передают немало таких черт, в достоверности которых можно скорее сомневаться, чем принимать их на веру. Откидывая в сторону все, что может подвергаться сомнению, мы ограничимся короткими сведениями, которые, при всей своей скудости, все-таки достаточно показывают чрезвычайную важность значения Владимира в русской истории.

Владимир был сын воинственного Святослава, киевского князя, который предпринял поход на хазар, господствовавших в юго-восточной России, взял их город Саркел на Дону, победил прикавказские народы: ясов и касогов, завоевал Болгарию на Дунае, но должен был после упорной защиты уступить ее греческому императору. На возвратном пути из Болгарии в Русь он был убит печенегами, народом тюркского племени. Будучи еще в детском возрасте, Владимир был призван новгородцами на княжение и уехал в Новгород вместе со своим дядей Добрынею, братом его матери Малуши, ключницы его бабки Ольги. По смерти Святослава между детьми его началось междоусобие. Киевский князь Ярополк убил брата своего, древлянского Олега. Владимир со своим дядей убежал в Швецию и возвратился в Новгород с чужеземной ратью. Вражда у них с Ярополком возникла оттого, что дочь князя полоцкого Рогнеда, которой руки просил Владимир, отказала ему такими словами: «не хочу разуть (разуть жениха – обряд свадебный; разуть – вместо выйти замуж) сына рабы», попрекнув его низостью происхождения по матери, и собиралась выходить за Ярополка. Владимир завоевал Полоцк, убил Рогволода, полоцкого князя, и женился насильно на Рогнеде. Вслед за тем он овладел Киевом и убил своего брата Ярополка. Летописец наш изображает вообще Владимира жестоким, кровожадным и женолюбивым; но мы не можем доверять такому изображению, так как по всему видно, что летописец с намерением хочет наложить на Владимира-язычника как можно более черных красок, чтобы тем ярче указать на чудотворное

действие благодати крещения, представить того же князя в самом светлом виде после принятия христианства.

С большою достоверностью можно принять вообще известие о том, что Владимир, будучи еще язычником, был повелителем большого пространства нынешней России и старался как о распространении своих владений, так и об укреплении своей власти над ними. Таким образом он повелевал новгородскою землею – берегами рек: Волхова, Невы, Мсты, Луги, – землею белозерскою, землею ростовскою, землею смоленскою в верховьях Днепра и Волги, землею полоцкою на Двине, землею северскою по Десне и Семи, землею полян или киевскою, землею древлянскою (восточною частью Волыни) и, вероятно, также западною Волынью. Радимичи, жившие на Сожи, и вятичи, жители берегов Оки и ее притоков, хотели отложиться от подданства и были укрощены. Владимир подчинил дани даже отдаленных ятвягов, полудикий народ, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии. Не должно, однако, думать, чтобы это обладание имело характер государственный: оно ограничивалось собиранием дани, где можно было собирать ее, и такое собирание имело вид грабежа. Сам Владимир укрепился в Киеве с помощью чужеземцев-скандинавов, называемых у нас варягами, и роздал им города, откуда со своими вооруженными дружинами они могли собирать дани с жителей.

В 988 году Владимир принял христианство. Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие его, рассказываются с баснословными чертами, которые вполне свойственны изустным преданиям, записанным уже довольно долгое время спустя после означенного события. Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческою царевною Анной, сестрою императоров Василия и Константина. Крещение его, по всем вероятностям, происходило в Корсуне или Херсоне, греческом городе на юго-западном берегу Крыма; и оттуда Владимир привез в Киев первых духовных и необходимые принадлежности для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Днепре, отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство и христиане не составляли там незначительного меньшинства, а более всего оттого, что у русских язычников не было жреческого сословия, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота с языческой точки зрения и возбуждало бы толпу к сопротивлению. Самое древнее русско-славянское язычество не имело определенного характера, общего для всех в смысле положительной религии, и состояло из множества суеверий и представлений, которые при невежестве и впоследствии легко уживались с наружным принятием христианства. Большинство вступало в новую веру и совершало обряд крещения, не понимая, что делает. Борьба язычества с христианством выражалась в продолжительном соблюдении языческих приемов жизни и сохранении языческих суеверий; такая борьба происходила многие века после Владимира: но она не мешала русскому народу принять крещение, в котором сначала он не видел ничего противного, потому что не понимал его смысла. Только постепенно и для немногих открывался действительно свет нового учения.

Владимир деятельно занимался распространением веры, крестил народ по землям, подвластным ему, строил церкви, назначал духовных. В самом Киеве он построил церковь святого Василия и церковь Богородицы, так называемую «Десятинную», названную так оттого, что князь назначил на содержание этой церкви и духовенства ее десятую часть княжеских доходов. Для прочного укрепления новопринятой веры Владимир вознамерился распространить книжное просвещение и с этой целью в Киеве и в других городах приказал набирать у значительных домохозяев детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом на Руси, в каких-нибудь лет двадцать, возросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества

на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религией образованности, борцами за начала государственные и гражданские. Эта одна черта уже показывает во Владимире истинно великого человека: он вполне понял самый верный путь к прочному водворению начал новой жизни, которые хотел привить своему полудикому народу; и проводил свое намерение, несмотря на встречаемые затруднения. Летописец говорит, что матери, отпуская детей в школы, плакали о них, как о мертвых.

Владимир после крещения является чрезвычайно благодушным. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить злодеев и, хотя сначала согласился было на увещания корсунских духовных, находившихся около него в Киеве, но потом, с совета бояр и городских старцев, установил наказывать преступников только денежною пеней – вирою, по старым обычаям, рассуждая при этом, что такого рода наказание будет способствовать умножению средств для содержания войска.

Сохраняя племенную славянскую веселость, Владимир примирял ее с требованиями христианского благочестия. Он любил пиры и празднества, но пировал не с одними своими боярами, а хотел делиться своими утехами со всем народом – и со старыми и малыми; он отправлял пиршества преимущественно в большие церковные праздники или по случаю освящения церквей (что в то время было памятным событием). Он созывал народ отовсюду, кормил, поил всех пришедших, раздавал неимущим потребное и, даже заботясь о тех, которые почему-нибудь сами не в состоянии были явиться на княжий двор, приказывал развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровождение времени не мешало ему, однако, воевать против врагов. Тогда Киевскую Русь беспокоили печенеги, народ кочевой и наезднический. Уже около столетия нападали они на русский край и при отце Владимира, во время его отсутствия, чуть было не взяли Киев. Владимир отразил их с успехом и, заботясь как об умножении ратной силы, так и об увеличении населения в крае, прилежащем Киеву, населял построенные им по берегам рек Сулы, Стугны, Трубежа, Десны города или укрепленные места переселенцами из разных земель не только русско-славянских, но и чудских. В 992 году он отнял у польского короля червенские города, нынешнюю Галицию, и присоединил к Руси этот край, населенный хорватами, ветвью русско-славянского племени.

Перед концом жизни Владимир понес сильное огорчение: сын его Ярослав оказал непослушание отцу, и Владимир готовился идти на него. «Теребите путь и мостите мосты», – приказывал он; но смерть застигла его в этих сборах. Он умер 15 июля 1015 года в своем подгородном селе Берестове.

С. Ф. Платонов. Киевская Русь (Полный курс лекций по русской истории. Ч. I. М., 2005. С. 73–94)

Образование киевского княжества

<...>

Знать положение варяго-русского вопроса для нас важно в одном отношении. Даже не решая вопроса, к какому племени принадлежали первые русские князья с их дружиною, мы должны признать, что частые известия летописи о варягах на Руси указывают на сожительство славян с людьми чуждых, именно германских племен. Каковы же были отношения между ними, и сильно ли было влияние варягов на жизнь наших предков? Вопрос этот не раз поднимался и в настоящее время может считаться решенным в том смысле, что варяги не повлияли на основные формы общественного быта наших предков-славян. Водворение варяжских князей в Новгороде, затем в Киеве не принесло с собой ощутительного чуждого влияния на жизнь славян, и сами пришельцы, князья и их дружины, подверглись на Руси быстрой славянизации.

Итак, вопрос о начале государства на Руси, связанный с вопросом о появлении чуждых князей, вызвал ряд изысканий, не позволяющих вполне верить той летописной легенде, которая повествует о новгородцах, что они, наскучив внутренними раздорами и неурядицами, послали за море к варягам-руси с знаменитым приглашением: «Земля наша велика и обильна, а наряда (в некоторых рукописях: нарядник) в ней нету, до поидете княжить и владеть нами»; и пришел к ним Рюрик и два его брата «с роды своими», «пояша по себе всю русь». Эпический характер этого рассказа ясен из сравнения с другими подобными: известно сказание английского летописца Видукинда о таком же точно призвании бриттами англосаксов, причем и свою землю бритты хвалили теми же словами, как новгородцы свою: «*terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam*».

Сквозь красивый туман народного сказания историческая действительность становится видна лишь со времени новгородского правителя или князя Олега (879–912), который, перейдя с Ильменя (882) на Днепр, покорил Смоленск, Любеч и, основавшись в Киеве на жительство, сделал его столицею своего княжества, говоря, что Киев будет «матерью городов русских». Олегу удалось объединить в своих руках все главнейшие города по великому водному пути. Это была его первая цель. Из Киева он продолжал свою объединительную деятельность: ходил на древлян, затем на северян и покорил их, далее подчинил себе радимичей. Под его рукою собрались, таким образом, все главнейшие племена русских славян, кроме окраинных, и все важнейшие русские города. Киев стал средоточием большого государства и освободил русские племена от хазарской зависимости. Сбросив хазарское иго, Олег старался укрепить свою страну крепостями со стороны восточных кочевников (как хазар, так и печенегов) и строил города по границе степи.

Но объединением славян Олег не ограничился. По примеру своих киевских предшественников Аскольда и Дира, сделавших набег на Византию, Олег задумал поход на греков. С большим войском «на конях и на кораблях» подошел он к Константинополю (907), опустошил его окрестности и осадил город. Греки завели переговоры, дали Олегу «дань», т. е. откупились от разорения, и заключили с Русью договор, вторично подтвержденный в 912 г. Удача Олега произвела глубокое впечатление на Русь: Олега воспевали в песнях и его подвиги изукрашили сказочными чертами. Из песен летописец занес в свою летопись рассказ о том, как Олег поставил свои суда на колеса и посуху на парусах «через поля» пошел к Царюграду. Из песни же, конечно, взята в летопись подробность о том, что Олег, «показуя

победу», повесил свой щит в воротах Царяграда. Олегу дали прозвание «вещего» (мудрого, знающего то, что другим не дано знать). Деятельность Олега в самом деле имела исключительное значение: он создал из разобщенных городов и племен большое государство, вывел славян из подчинения хазарам и устроил, путем договоров, правильные торговые сношения Руси с Византией; словом, он был создателем русско-славянской независимости и силы.

По смерти Олега вступил во власть Игорь (912–945), по-видимому, не имевший таланта ни воина, ни правителя. Он сделал два набега в греческие владения: на Малую Азию и на Константинополь. В первый раз он понес жестокое поражение в морском бою, в котором греки применили особые суда с огнем и пускали «трубами огонь на ладьи русские». Во второй раз Игорь не дошел до Царяграда и помирился с греками на условиях, изложенных в договоре 945 г. Этот договор считается менее выгодным для Руси, чем договор Олега. В кампании Игоря против греков принимали участие и печенеги, впервые при Игоре напавшие на Русскую землю, а затем помирившиеся с Игорем. Игорь погиб в стране древлян, с которых он хотел собрать двойную дань. Его смерть, сватовство древлянского князя Мала, желавшего взять за себя вдову Игоря Ольгу, и месть Ольги древлянам за смерть мужа составляют предмет поэтического предания, подробно рассказанного в летописи.

Ольга (по-древнескандинавски и по-гречески *Helga*) осталась после Игоря с малолетним сыном Святославом и взяла на себя правление княжеством (945–957). По древнему славянскому обычаю вдовы пользовались гражданской самостоятельностью и полноправием и вообще положение женщины у славян было лучше, чем у других европейских народов. Поэтому не было ничего удивительного в том, что княгиня Ольга стала правительницей. Отношение к ней летописца – самое сочувственное: он считает ее «мудрейши всех человек» и приписывает ей большие заботы об устройении земли. Объезжая свои владения, она везде устанавливала порядок и везде оставляла по себе добрую память. Главным же ее делом было принятие христианской веры и благочестивое путешествие в Царьград (957). По рассказу летописи Ольгу крестили «царь с патриархом» в Царьграде, хотя вероятнее, что она крестилась дома на Руси, ранее своей поездки в Грецию. Император Константин Багрянородный, с честью принявший Ольгу в своем дворце и описавший ее прием в сочинении «Об обрядах Византийского двора», повествует о русской княгине сдержанно и спокойно. Предание же, сложившееся на Руси о путешествии княгини, рассказывает, что император был поражен красотой и умом Ольги настолько, что даже хотел на ней жениться; однако Ольга уклонилась от этой чести. Она держала себя почтительно по отношению к патриарху, но вполне независимо по отношению к императору. Летописец даже уверен, что ей удалось дважды перехитрить императора: во-первых, она ловко сумела отказаться от его сватовства, а во-вторых, она отказала ему в дани или дарах, на которые он, будто бы, легковерно рассчитывал. Таково было наивное предание, усвоившее Ольге исключительную мудрость и хитрость. С торжеством христианства на Руси память княгини Ольги, во святом крещении Елены, стала почитаться и православною Церковью: княгиня Ольга была причтена к лику святых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.